

Е.С.Долгина

**ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
УТОПИИ XIX—XX ВЕКОВ**

Монография

**Издательство
Нижевартовского государственного
гуманитарного университета
2009**

**ББК 83.3(2Рос=Рус)
Д64**

Рецензенты:

кафедра журналистики и литературы
Югорского государственного университета,
доктор педагогических наук, профессор
А.Н.Семенов

кафедра культурологии и философии
Нижевартовского экономико-правового института,
доктор культурологии, профессор
З.Р.Жукоцкая

Долгина Е.С.

Д64 **Проблемы культуры в русской литературной утопии XIX—XX веков: Монография.** — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. — 111 с.

ISBN 978–5–89988–609–9

Монография посвящена анализу проблем культуры и путей их решения в произведениях русских утопистов XIX—XX веков. Автор подробно останавливается на осмыслении феномена утопии в современной науке, анализирует ее воплощение в трудах теоретиков утопии — Е.Шацкого, Л.Чертковой, В.Чаликовой и др. Разнообразные проблемы культуры анализируются на материале художественных произведений отечественных утопистов — В.Ф.Одоевского, Н.Г.Чернышевского, Ф.М.Достоевского, М.Е.Салтыкова-Щедрина, Н.Д.Федорова, А.А.Богданова, А.П.Платонова, Е.И.Замятина, В.Н.Войновича, В.В.Набокова, Л.С.Петрушевской.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений, всех, кто интересуется литературой, культурологией и философскими проблемами литературоведения.

ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978–5–89988–609–9

© Долгина Е.С., 2009

© Издательство НГГУ, 2009

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы культуры приобретают сегодня первостепенное, по существу, ключевое значение, поскольку осознаются как мощный фактор социально-исторического развития. Культура пронизывает все аспекты человеческой жизнедеятельности — от основ материального производства и человеческих потребностей до величайших проявлений человеческого духа. Культура играет все большую роль в решении долгосрочных программных целей демократического движения: формировании и укреплении гражданского общества, раскрытии творческих способностей человека, углублении демократии, построении правового государства. Культура воздействует на все сферы общественной и индивидуальной жизнедеятельности — труд, быт, досуг, область мышления.

В центре культуры находится человек со всеми его потребностями и заботами. Особое место в социальной жизни занимают вопросы освоения человеком культурной среды и проблемы, связанные с достижением им высоких личностных качеств в процессе создания и восприятия культурных ценностей. Проблемы культуры существовали во все времена, не обошли они стороной и русскую литературную утопию, в которой остро встают вопросы свободы, обезличивания человека, выбора между семьей и государством. Эти противоречия актуальны и для действительной жизни, так как кризисное состояние современного мира, обострение глобальных проблем побуждают к критическому переосмыслению путей и основных ценностей современной цивилизации. Единичные, разрозненные голоса, возвестившие на рубеже XIX—XX веков о кризисе современной цивилизации, зазвучали теперь многоголосным хором. Завершающие второе тысячелетие годы поставили в качестве неотложного вопрос о переходе человечества к иному образу жизни и ориентации на иные ценности. Проблемы утопии и утопического сознания как одного из способов поиска путей совершенствования мира неизбежно занимают ведущее место в этом процессе переосмысления ценностей.

Глава 1

УТОПИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

1.1. Утопия и утопическое сознание

Понятие утопии в историко-философской литературе запутанно и противоречиво. В отечественных и западных словарях, энциклопедиях нет однозначного и устоявшегося значения этого термина¹. Например, американский историк Л.Мэмфорд полагает, что всякие попытки дать законченное определение понятия утопии несостоятельны, так как утопия вовсе не является чем-то строго очерченным, что можно определить и изучить². Современный исследователь утопии Э.Я.Баталов отмечает, что основной причиной в неоднозначной трактовке утопии является анализ термина на основе различных методологий. Одни описывают утопию с точки зрения генетических особенностей и на первое место выводят ее происхождение. Другие в основу определения кладут ее социальные функции. Третьи отталкиваются от ее структурных особенностей и формальных признаков. Таким образом, Э.Я.Баталов приходит к выводу, что «в современной социологии и философии отсутствует общепризнанная концепция утопии, а ее генезис, структура и функции по-прежнему остаются предметом разногласий и дискуссий не только между буржуазными исследователями и марксистами, но и внутри буржуазной социологии и философии»³.

Таким образом, при всей кажущейся ясности понятий «утопия» и «утопичность», особенно для обыденного сознания, дать исчерпывающее их определение довольно сложно. В современной научной и, в частности, социологической литературе слово «утопия» употребляется в самых различных значениях, с разными эмоциональными и смысловыми знаками. Обстоятельно это

¹ Сизов С.С. Утопия и общественное сознание: Философско-социологический анализ. Л., 1988. С. 8.

² См.: Mumford L. The story of Utopias. N.Y., 1971. P. 15.

³ Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание США. М., 1982. С. 12.

рассматривает Е.Шацкий в книге «Утопия и традиции», вошедшей в круг общепризнанных работ по проблеме утопии⁴.

Прежде всего, совершенно ясна несостоятельность попыток определить утопию исключительно как «несбыточную мечту», химеру, безусловную фантазию, в общем, как антоним понятий «действительность», «реальность», «актуальная возможность». При всей распространенности такое понимание утопии и утопичности совершенно не гарантирует фиксирования в нем сущностных характеристик феномена, опровергается условностью и относительностью несбыточности, нереальности, исключительной фантастичности тех или иных утопических учений и идей. Как справедливо пишет Е.Шацкий, «в современном мире полно вещей, которые впервые пришли на ум именно утопистам. Впрочем, кто знает, не легче ли было бы отыскать в современной жизни замыслы давних утопистов, чем их трезвых критиков»⁵.

Одно из первых определений утопии, а точнее, основы для определения, принадлежит польскому исследователю Я.Свентоховскому. Он писал: «Утопия как идеал общественных отношений представляет собой всеобщий элемент в духовном мире. Входит она в состав всех религиозных верований, этических и правовых теорий, систем воспитания, поэтических произведений — одним словом, всякого знания и творчества, дающего образцы человеческой жизни»⁶. Е.Шацкий, анализируя это рассуждение, оценивает его как «необычайно широкое», на уровне синонима мыслящего человека.

На ограниченность понимания утопии только как несбыточных мечтаний, порожденных «кабинетным мышлением» и оторванностью от действительности, обращает особое внимание отечественный исследователь утопии и утопизма В.Г.Хорос, который подчеркивает, что «утопия отражает важные социальные и духовные потребности людей, служит существенной формой выражения интересов социально-исторических субъектов, а значит,

⁴ Шацкий Е. Утопия и традиция / Пер. с польск.; Под общ. ред. В.А.Чаликовой. М., 1990. С. 21.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ Там же. С. 28.

играет значительную роль в социальном целеполагании и практике индивидов»⁷.

В мировой утопологии доминирующей является трактовка утопии как специфической формы социального идеала. В филологических работах такой ракурс рассмотрения этого жанра также наличествует, и его абсолютизация может привести к подмене предмета исследования и, как следствие этого, собственно литературоведческого анализа — социологическим, когда вместо проблем поэтики художественного текста анализируется только социокультурная модель или социокультурная мифологема идеального мира, отображенная в произведении⁸.

Изначальный смысл термина связан с представлением об идеальном мироустройстве, о совершенном обществе. В толковом словаре В.Даля даны два значения понятия «утопия»: 1) «небывалая, блаженная страна»; 2) «все мечтательное, несбыточное, греза о счастье»⁹. На уровне обыденного сознания это понятие используется, в основном, в отрицательно-оценочном смысле для обозначения различных, в том числе и возвышенных, но в целом не-реальных и неосуществимых проектов и ожиданий относительно будущего. Эту негативистскую окраску подметил американский исследователь Дж.Кейтеб, который писал, что слова «утопия», «утопический» чаще всего употребляются с интонацией, лишаящей их всякой достоверности и полезности. Заумная или неправдоподобная идея, недопустимо отличающаяся от привычного понимания, часто клеймится как утопическая, независимо от того, заключается в ней какое-то позитивно-реальное содержание или нет¹⁰. Слово «утопия» используется также для обозначения всего того, что желаемо, но недостижимо. Грезы, мечты, фантазии называют утопическими, будто желаемое и утопия — это синонимы. Но тогда получается, что утопия — это всякая мечта, всякое

⁷ Хорос В. Утопия // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М.Ферро и Ю.Афанасьева. М., 1989. С. 242.

⁸ См. об этом: Павлова О.А. Метаморфозы литературной утопии: теоретический аспект. Волгоград, 2004. С. 32.

⁹ Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2000. С. 683.

¹⁰ См. об этом: Паниотова Т.С. Утопия в пространстве диалога культур / Пер. предисловия с исп. Т.С.Паниотовой, Э.Родригес. Ростов н/Д, 2004. С. 55.

нетрадиционное, непривычное утверждение, выражающее нечто практически неосуществимое, хотя и весьма желанное.

Эта односторонняя позиция нашла отражение и в научной литературе. Еще в 1972 году В.П.Шестаков в своей программной статье «Понятие утопии и современные концепции утопического» указал на необходимость различать понятия «утопический» и «утопизм», предложил понимать под последним нечто абстрактное, умозрительное, нереальное¹¹. Другой современный исследователь утопии Э.Я.Баталов склоняется к тому, чтобы считать утопизмом «способ выражения (проявления) утопического сознания, способ теоретической и практической деятельности в соответствии с императивами последнего»¹², а совокупность всех феноменов, имеющих утопическую направленность, называть «утопической традицией». Иначе говоря, утопизм есть способ выражения, проявления, функционирования утопического сознания, способ постижения объективной реальности. Еще один поворот темы обозначил А.И.Володин, который утверждал, что утопизм — это не вообще донаучная стадия сознания и специфический способ понимания действительности, а скорее «особый способ понимания связи настоящего и будущего, когда это будущее постулируется как выражение “абсолютной истины, разума и справедливости” и когда эта абсолютизация выступает как детерминанта построения будущего»¹³.

Утопия — явление, фокусирующее множество силовых линий культуры. Она, подобно мифу, главным объектом избирает картину мира, структурирует ее и показывает место человека в ней. В утопии непременно присутствуют мотивы перехода от хаоса к упорядоченности и другие мифологемы, как, например, в народной утопии, т.е. той, которая входит в городскую литературу, начиная с эпохи Средневековья. Поэтому можно говорить о сходстве мифа и утопии, но, естественно, неполном. С.В.Стахорский совершенно справедливо предлагает именовать утопию искусственным

¹¹ Шестаков В.П. Понятие утопии и современные концепции утопического // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 151.

¹² Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. С. 33.

¹³ Володин А.И. Утопия и история. Некоторые проблемы изучения домарксистского социализма. М., 1976. С. 146.

мифом, отмечая, что активизация утопического сознания характерна «в периоды кризиса индивидуализма, когда человек обостренно переживает процесс отчуждения личности»¹⁴. Подъем утопической мысли, распространение утопий вширь чаще всего приходится на эпохи социально-исторических катастроф и связаны с радикальными социальными, политическими сдвигами. Но и постреволюционные годы, которые представляют собой либо периоды безвременья, либо полные надежд и иллюзий времена социальной эйфории, также являются благоприятной почвой для возникновения утопических проектов. Реальный смысл любой утопии зависит от конкретных условий, в которых она зародилась и была «осуществлена». Причем научные и технические перевороты, географические открытия и тому подобное так же влияют на изменение утопического мировидения, как и социально-политическая жизнь с комплексом всех своих проблем. «Влияние утопий на человеческую историю трудно переоценить, — пишет Е.Л.Черткова. — По силе воздействия на людей, по своим мобилизационным возможностям все социальные теории меркнут рядом с утопией. Как показывает история, в революционные периоды самые радикальные утопии получают наибольшую поддержку»¹⁵.

Не для каждой историко-культурной эпохи или национальной культуры утопическое начало является важной составляющей. Оно может появляться и исчезать в зависимости от требований времени. В славянском мире утопия занимает значительное место как в народной культуре, так и в профессиональной или официальной. Более того, деятели славянской культуры, как, например, А.Мицкевич, были уверены в том, что понятие утопии неразрывно связано с культурой славян. В «Лекциях по славянской литературе» польский романтик писал, что славяне движутся по направлению к будущему, которое «русские зовут мечтой, чехи утопией и которое есть только идеал»¹⁶. Таким образом, поэт относил утопию к будущему, явно связывая ее с категорией желаемого.

¹⁴ Стахорский С.В. Русская театральная утопия начала XX века: Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 1993. С. 7.

¹⁵ Черткова Е.Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия / Под ред. В.А.Лекторского. М., 1996. С. 157.

¹⁶ См. об этом: Mickiewicz A. Dzieta. Warszawa, 1955. P. 14.

Субъектом утопического творчества могут выступать как целые классы и массовые движения, так и теоретики, создатели конкретных утопий. По мнению Т.С.Паниотовой, уровень индивидуальной культуры субъекта, особенности психологического склада, жизненные заботы, положение в обществе и другие факторы различным образом направляют его познавательную активность¹⁷.

Мировая утопическая литература весьма обширна. За время своего исторического существования она переживала периоды подъема и упадка, успехов и неудач. Порой авторы утопических сочинений создавали откровенно слабые в познавательном и художественном отношении произведения. Но создавались и шедевры, например, «Утопия» Томаса Мора или «Город Солнца» Кампанеллы, которые до сих пор остаются образцами утопической мысли и творчества.

Сегодня трудно представить общую панораму истории духовной культуры без утопических произведений. По мнению Оскара Уайльда, «на карту земли, на которой не обозначена утопия, не стоит смотреть, так как эта карта игнорирует страну, к которой неустанно стремится человечество. Прогресс — это реализация утопий»¹⁸.

Утопия бывает выражена в форме произвольного представления о желаемом (утопия) или нежелаемом (антиутопия) будущем человека или человечества. Для И.Н.Неманова утопия — это «умозрительно конструируемая модель личности, технического, научного, общественного либо другого устройства, которая с точки зрения ее создателя, в силу абсолютной истинности (или ложности) и универсальности, заложенной в этом устройстве абсолютизируемой идеи, должна по замыслу обеспечить “идеальное”, “совершенное”, т.е. внутренне противоречивое, бесконфликтное состояние человека и человечества либо как благое, желаемое (утопия), либо как гибельное, нежелаемое (антиутопия)»¹⁹.

¹⁷ См.: Паниотова Т.С. Утопия в пространстве диалога культур. С. 60.

¹⁸ Цит. по: Свентоховский А. История утопий. М., 1910. С. 1.

¹⁹ Неманов И.Н. Социальный утопизм и общественная мысль // Методологические проблемы истории философии и общественной мысли. М., 1977. С. 108—109.

Немецкий философ и социолог М.Хоркхаймер отмечает, что в любой утопии обнаруживаются две составляющие: критика существующего и предположение того, что должно существовать²⁰.

Американский исследователь утопии Л.Сарджент видит в утопии подробное и последовательное описание воображаемого, но локализованного во времени и пространстве общества, построенного на основе альтернативной социально-исторической гипотезы и организованного — как на уровне институтов, так и на уровне человеческих отношений — совершеннее, чем то общество, в котором живет автор²¹.

Польский писатель Станислав Лем определяет утопию как «изложение определенной теории бытия при помощи конкретных объектов»²². Утописты, стремясь изображать мир максимально завершенным и однозначным в своем совершенстве, часто прибегают к «говорящим картинам», а не к отвлеченным рассуждениям²³.

Утопия, воплощая мечты поколений или отрицая их, уводя человека от реальности, выстраивает четкие конструкции. В ней нет места неопределенности, расплывчатости и недоговоренности. В утопии ничего не домысливается. Она всегда требует однозначной интерпретации, ей не присуща многозначность. Задавшись целью сконструировать идеальный мир или представить результаты таких намерений, авторы утопий формулируют в них не только общие положения. Они заинтересованы в частных деталях и выписывают их столь же последовательно, как и мечты о переустройстве мира своих персонажей. Деталь важна в утопии как наглядный показатель этого переустройства. Она свидетельствует об изобилии, счастливой жизни, о ее разумном устройстве или о хаосе, возникшем в результате изменений, на которые решился человек.

Утопическое сознание способно разрушить устоявшуюся доминанту индивидуального и общественного сознания и положить

²⁰ См.: Utopia. Barselona, 1971. P. 97.

²¹ См.: Sargent L. British and American Utopian Literature. 1516—1578. An Annotated Bibliography. Boston, 1979. P. 13.

²² Цит. по: Шацкий Е. Утопия и традиция. С. 55.

²³ См.: Баткин Л.М. Ренессанс и утопия. Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 12.

начало формированию качественно новой. «Утопист есть всякий, кто старается придумать совершенную социальную организацию и при этом берет за точку исхода какой-нибудь отвлеченный принцип»,²⁴ — писал Г.В.Плеханов. Как отмечает Т.С.Паниотова, таким возводимым в абсолют принципом может быть «человеческая природа», «истина», «общественная собственность» и другие идеи, из которых конструируется и выводится образ нового состояния социального бытия²⁵.

Американский исследователь литературной утопии Г.Морсон в статье «Границы жанра» подчеркивает, что «отношение утопистов к действительности, выражающееся в резком противопоставлении действительности и идеала, оставляет немало места для различий, вытекающих из особенностей тех или иных человеческих идеалов, условий, в которых они формируются, а также роли, которую они играют в истории»²⁶.

Таким образом, утопия справедливо воспринимается как одно из своеобразных и сложнейших духовно-практических явлений, формообразований общественного сознания, имеющих свою богатейшую тысячелетнюю историю, значительное жанровое многообразие и глубокую интеграцию со всеми сферами общественной жизни. Она выступает как определенный способ и форма восприятия и осмысления действительности, как неотъемлемый компонент социального целеполагания, в процессе которого зачастую определяется программа деятельности людей. Вместе с тем, изучение утопии в большей степени осуществляется в рамках ее отдельных аспектов, отдельных сторон данного целостного и сложного феномена.

В рамках изучения социальной и исторической значимости утопии, осмысления ее как составляющей социального целеполагания, она предстает как неустраняемый и неотъемлемый компонент социально-исторической жизнедеятельности людей, как социальный и культурный фактор, намного превосходящий другие

²⁴ Цит. по: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1957. Т. 3. С. 46.

²⁵ Паниотова Т.С. Утопия в пространстве диалога культур. С. 62.

²⁶ Морсон Г. Границы жанра // Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. М., 1991. С. 233—235.

по своей дееспособности, степени влияния на сознание и историческую практику людей.

В социокультурном аспекте осмысления утопии перед нами предстает своеобразный «закон» наличия и функционирования утопии в исторической жизнедеятельности социальных субъектов. Можно зафиксировать такие его признаки, как «повторяемость» в самые различные эпохи, «устойчивость» в самых различных исторических ситуациях и социально-политических условиях, наконец, «необходимость», так как утопия не только каждый раз производится и воспроизводится в «проективном» сознании действующих субъектов, в осуществляемом ими процессе целеполагания, но и реализует какую-то неустрашимую потребность в ней, в самом значительном числе случаев определяет развитие событий, исторических и политических ситуаций²⁷.

Точкой отсчета в осмыслении утопии должно стать тотальное несогласие утописта с действительностью, с миром «как он сейчас есть», разработка и постулирование определенной модели общества и образа социальной жизнедеятельности как альтернативы реальному обществу, порядку вещей и образу жизни. Неприятие утопистом социально-исторической действительности, сложившихся общественных отношений, форм государства и прочего как несоответствующих, точнее, полностью противоречащих тем представлениям о них, которые имеются у него в сознании, порождает утопию. «Утопия, — пишет Е.Шацкий, — появляется тогда, когда в человеческом сознании разверзается пропасть между миром, каков он есть, и миром, который можно вообразить»²⁸. «Пропасть», упоминаемую Е.Шацким, можно встретить в раннем романтизме, где она преодолевается посредством утопии («золотой век» — «железный век» — «золотой век») ²⁹. В середине романтизма, осознающим мир в свете пространственно-временной христианской модели мира, утопия создается как божественное откровение, прозрение, вознесение человека

²⁷ См.: Бакулов В.Д. Социокультурные метаморфозы утопизма. Ростов н/Д, 2003. С. 50.

²⁸ Шацкий Е. Утопия и традиция. С. 34.

²⁹ Федоров Ф.П. Типы искусства, существовавшие в 1800—1830-е годы // Эолова арфа: Русская романтическая лирика. Даугавпилс, 1994. С. 302.

над конечностью бытия. В позднем романтизме утопизм был невозможен в связи с тотальной властью реальности, демонизирующей мироздание.

Предпосылкой тотального несогласия Е.Шацкий считает исторические и социально-политические ситуации, связанные с нестабильностью, кризисом, разрушением существовавших до этого социальных порядков и условий жизни. В кризисные эпохи становится невозможной жизнедеятельность в старых условиях, появляется потребность в поиске и выборе ее новых способов и форм. И хотя сам Е.Шацкий показывает всю относительность деления исторических периодов развития на стабильные и кризисные, а также перманентность появления, утверждения и развития утопических учений в самые разные эпохи, вместе с тем он однозначно связывает предпосылки и условия возникновения утопии с появлением критического, альтернативного отношения к имеющимся социально-историческим реалиям.

Характеризуя мышление утописта, Е.Шацкий точно замечает: «Это человек, всегда рассуждающий по схеме “или — или”. Он думает не об изменении общественных отношений, но о замене плохих отношений хорошими. Он сжигает мосты между идеалом и действительностью прежде, чем они достроены. В эпоху господства свечи он обдумывает всеобщую электрификацию, тогда как другие изобретают керосиновую лампу. Он максималист... Его не интересует “лучше”, но только “хорошо”»³⁰.

Утопическое сознание характеризуется особым восприятием пространства и времени, отношением ко времени как к пластическому материалу, чувством разорванности связи времен, ощущением современного пространства как дисгармоничного. Утопическое сознание всегда ориентируется на инобытие, проецируя в иное пространство и время образы непротиворечивого и гармоничного социума. И хотя стремление трансформировать временной континуум присуще не только утопическому сознанию, именно оно проявляет здесь абсолютную свободу: «С одной стороны, — пишет Т.С.Паниотова, — оно может обладать способностью к переживанию будущего, еще не существующего как настоящее, или даже прошлого, с другой — может воспринимать

³⁰ Шацкий Е. Утопия и традиция. С. 35.

прошлое, уже не существующее как будущее или настоящее»³¹. Но в любом случае, независимо от локализации своего идеала, утопист преследует цель предвосхищения будущего.

Главенствующая регулятивная функция в утопическом сознании выполняется аксиологическими и этическими представлениями, хотя нельзя сбрасывать со счетов и эвристическую природу утопизма. «Земля, которой нет, но которая должна быть!» По мнению Т.С.Паниотовой, внутренней пружиной утопии является именно это «должно быть», а не отвлеченные мечтания о невозможном³². Принцип долженствования, концентрирующий в себе комплекс желаний утописта, является необходимым дополнительным признаком утопического способа отражения действительности.

Мир утописта — это мир видимостей, мир превращенных форм, принимаемых за мир подлинностей. Утопист может видеть общественные связи и взаимозависимости лишь под определенным углом зрения, сквозь призму субъективных желаний и предпочтений. В этом состоит одно из важнейших отличий утопии от науки, претендующей на постижение объективной истины и раскрытие существенных и глубинных взаимосвязей и закономерностей.

Утопическое сознание отражает действительность опосредованно, через ее значение для человека, а значит, оно представляет собой разновидность ценностного освоения социальной реальности и занимает свое особое место среди других форм познания мира. Поэтому, если научное познание направлено на постижение истины, для утопии приоритетны поиски смысла существования, ценностей бытия. Утопическое сознание никогда не было безразличным к проблеме смысла истории и человеческой жизни. Оно всегда направлено к моделированию таких состояний социального бытия, которые представляются как желаемые и возможные и воспринимаются как высшая ценность.

Отличие утописта от социальных и политических реформаторов видится в степени и масштабах изменения и преобразования общества в соответствии с определенными идеями, в том, что реформаторы предпочитают исправлять существующие социальные

³¹ Паниотова Т.С. Утопия в пространстве диалога культур. С. 63.

³² Там же.

отношения, тогда как утопист выступает за их полный слом и замену на новые, лучшие. Даже в тех случаях, когда утописты не ставили перед собой задачи немедленного и одномоментного упразднения старого мира, но ставили задачи учреждения и утверждения островков мира нового — фаланстер, колоний, поселений, это новое было клеточками иного организма, принципиально несовместимого, не интегрируемого в «старый мир». Отторжение реалий существующих общественных отношений здесь подобно отторжению чужеродных органов иммунной системой живых организмов. Перемирию и компромиссу просто нет места в природе и предназначении утопической системы. В мире прекрасных «снов Веры Павловны» из романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?» совершенно неестественны и просто невозможны грубые реалии отвергаемого и приговоренного к слому современного героя романа общественного и государственного строя, образа жизни.

Как предмет социологического осмысления, предмет истории общественных идей, и особенно в своей социально-политической практической ипостаси утопия не может быть рассмотрена исключительно как литературный жанр, как определенная художественная форма, хотя именно в этой форме наиболее глубоко выражены и воплощены природа и сущность данного феномена. «Говоря об утопии, — отмечает Е.Шацкий, — обычно имеют в виду определенный образ мышления, определенное отношение к миру»³³. Отвергая идеал как сущностную характеристику утопии в силу относительности его содержания и широкого смыслового значения для того, чтобы выразить понятие утопии, польский мыслитель определяет утопию следующим образом: «Нет утопии без идеала, но утопия, как мы ее понимаем, предполагает еще определенное отношение идеала к действительности: отношение противопоставления, непроницаемости, разрыва преемственности. Не каждый, кто думает изменить действительность, утопист. Но утопистом является тот, кто безусловно дурную действительность хочет заменить действительностью безусловно хорошей»³⁴. И добавляет: «В рамках нашего подхода противоположностью

³³ Шацкий Е. Утопия и традиция. С. 21.

³⁴ Там же. С. 37.

утопии будет прежде всего всяческий консерватизм (то есть убеждение, что то, что есть, должно быть признано хорошим или “в принципе” хорошим), а кроме того, всяческий культ стихийности в общественной жизни, то есть наивная вера в то, что действительность порождает идеал сама из себя и сама же к нему стремится»³⁵.

Представленная концепция может быть отправной точкой в углублении понимания утопии как социально-исторического явления, а значит, как объекта культурологии, социологии и социальной философии.

Максимализм утописта, построение им альтернативной модели общественной жизни и убежденность в несовместимости, непреходящем антагонизме «старого и нового», одномерное осмысление им существующего и должного — действительные характерологические черты утопии. Однако только ими сущность данного феномена не исчерпывается. Они выступают лишь одной из осей координат, позволяющих зафиксировать и проследить историческую биографическую траекторию утопии.

Максимализм утописта и альтернативный характер предлагаемых им моделей и идей не может не быть связан с определенным содержанием и смыслом тех идеалов, ценностных ориентиров, постулатов и максим, которые и составляют основу его утопического учения. Именно они обуславливают, детерминируют, предопределяют отношение утописта к отвергаемой им социальной реальности. Именно они и должны стать той второй линией своеобразной оси координат, которая позволяет фиксировать и осмыслять сущностные спецификации данного феномена как предмета социально-философского и социокультурного анализа.

Немецкий социолог К.Манхейм указал на трансцендентный по отношению к действительности характер ориентации утопического сознания и связанную с ней установку на слом и переделку общественных отношений: «Утопичным является то сознание, которое не находится в соответствии с окружающим его “бытием”. Это несоответствие проявляется всегда в том, что подобное сознание в переживании, мышлении и деятельности ориентируется на факторы, которые реально не содержатся в этом “бытии”».

³⁵ Там же. С. 45.

Однако не каждую ориентацию, не соответствующую данному “бытию”, являющуюся трансцендентной по отношению к нему и в этом смысле “чуждой действительности”, мы назовем утопичной. Мы будем считать утопичной лишь ту “трансцендентную по отношению к действительности ориентацию, которая, переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей”»³⁶.

Убеждение утописта в том, что именно им найден предел совершенства, проявляется в изображении такой модели общественного и государственного устройства, которая наконец-то разрешит все проблемы, лишена всех недостатков и изъянов, «полностью соответствует природе человека», выступает основополагающей детерминантой утопических представлений, их глубинной сущностью, видом утопического идеала, дает ответы на все вопросы о причинах максимализма, альтернативного характера отношения утописта к социальной действительности. Такое убеждение само основано на упрощенном понимании человека. Поэтому в утопиях человек упрощен, бессодержателен.

Указание на это содержится уже в самом полном названии книги Т.Мора, ставшей образцом жанра: «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии». Книга «забавная», то есть выражение литературных мечтаний, желаний, удовлетворение духовных запросов и интересов, связанных с воображением, с потребностью более свободного и широкого взгляда на социально-историческую действительность, пища «социологическому воображению». Но и «полезная», то есть содержащая определенные сведения, знания, проработку определенных вопросов и тем, определенные утверждения и выводы из этой проработки и этого осмысления, свою практическую ипостась.

И вместе с тем речь идет о самом важном, самом главном, о теме, существеннее которой для социального мыслителя и политического деятеля не найти. Речь идет не о «хорошем», «правильном», «приемлемом» и тому подобном в устройстве общества и государства, а о самом лучшем, предельно совершенном, эталоне и образце, наконец-то обретенном абсолюте. Представляется

³⁶ Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М., 1994. С. 164.

весьма парадоксальным это невнимательное прочтение названия, которое, правда, может быть в определенной мере объяснимо тотальным сокращенным использованием заглавия, давшего название всему жанру. Но именно поэтому обращение к его дословному смыслу приобретает особое значение.

Если смотреть на социально-исторические и политико-правовые реалии глазами утописта, видеть эти реалии с позиций «веры в общественный абсолют», то действительность предстает в своем особом ракурсе и в своей особой ипостаси. Это тот случай, когда объективное становится еще и «правильным», должным, действительное — очень важным, имеющим непреходящее значение, ценность. При этом утопия — это как раз тот «случай», когда ее приверженец дает «волю мышлению в чувственных образах и представлениях», когда «всеобщее-необходимое» в своем непосредственном виде «переводится» на «язык» особенного, частного, единичного. Стремление к предельной образной наглядности, дидактизму и педантизму в изложении деталей — характерные черты утопии.

В достаточно полном виде многообразие подходов к утопии отражено в вышедшей в 1991 году и ставшей событием в разработке темы книге «Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы». Переводчик, составитель и автор предисловия к книге В.А.Чаликова на основе обзора разнообразия подходов и способов определения утопии предлагает свое, итоговое определение: «Утопия — это подробное и последовательное описание воображаемого, но локализованного во времени и пространстве общества, построенного на основе альтернативной социально-исторической гипотезы и организованного — как на уровне институтов, так и человеческих отношений — совершеннее, чем то общество, в котором живет автор»³⁷.

«Идеальное» и «самое совершенное» общество — вот те понятия, которые соответствуют сущности предлагаемых авторами утопий описаний общественного устройства.

Именно это отражено в подавляющем большинстве определений утопии как в источниках энциклопедического характера, так

³⁷ Чаликова В.А. Предисловие // Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. С. 8.

и в научной литературе. Например, определение утопии в «Философской энциклопедии»: «Утопия — изображение идеального общественного строя, лишенное научного обоснования»³⁸. В 1997 году в «Философском энциклопедическом словаре» дано следующее толкование данного понятия: «Утопия — “страна, которой нет”; течение мысли, изображающее идеальное состояние совместной жизни людей, преимущественно с гуманитарно-коммунистической окраской, произвольно сконструированный образ (идеал) желаемого общества»³⁹.

Таким образом, можно выделить следующие особенности утопии.

1. Противопоставление действительности идеалу, модели общественного устройства или проекту преобразования какой-либо отдельной сферы социальной жизни, системы социальных институтов в их наиболее развитом и совершенном виде, в виде предела этого развития и совершенства, в виде определенного общественного абсолюта. В.А.Чаликова добавляет, что главное в утопии — это «проблема границы и в географическом, и в правовом, и в нравственном, и в политическом смысле, да и просто в житейском»⁴⁰.

2. Утопия выступает в культуре в качестве смыслового горизонта или ориентирующего историческую индивидуальную и коллективную практику идеала. Она представляет собой не некий предопределенный финал, а цель реальной истории, которая придает ей смысл.

В связи с тем, что наибольшее пространство для реализации целей и идеалов предоставляет будущее, назначением утопии является сообщение человеку представлений о жизни в модусе возможного, «...специфической области жизни духа, где сила воображения, — как пишут Т.А.Акиндинова и Л.А.Бердюгина, —

³⁸ Философская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. Ф.В.Константинов. М., 1970. Т. 5. С. 295.

³⁹ Философский энциклопедический словарь / Сост. Е.Ф.Губский. М., 1997. С. 470.

⁴⁰ Чаликова В.А. Предисловие // Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. С. 7.

соединяясь с силой мышления, создает особую ценность культуры — ценность будущего»⁴¹.

Как видим, понятие «утопия» сложно и многозначно. Однако при всем разнообразии смысловых оттенков основная и традиционная функция этого понятия сводится к обозначению вымышленного мира, призванного служить образцом общественного устройства.

Таким образом, во всех определениях утопии присутствуют два ключевых понятия — место и будущее, оба с обусловленными смыслами: место, которого нет, а будущее не существует по своему определению, простирается нереально далеко, что тоже ставит под сомнение наличие временной конкретности.

Следует различать термины «утопия», «утопический» и «утопизм». Первые два употребляются для обозначения идей, философских сочинений и трактатов, содержащих нереальные планы социальных преобразований.

Утопия — это непреодолимая потребность людей создавать образ идеального общества, которое всем без исключений гарантировало бы счастливое существование. В утопиях ярко выражены самые сокровенные тайны человека и его мировоззрения. Они говорят о вечном стремлении к счастью, справедливости, свободе, гармонии, миру и порядку. Утопизм же как социальное явление вытекает из «несчастливого сознания», когда недостижимый идеал становится реализуемой социальной задачей. Таким образом, «несчастное сознание» есть сознание о себе как двойственном и противоречивом существе. Отсюда вытекает, что основное отличие утопии от утопизма заключается в том, что последний пытается практически реализовать себя. Следовательно, если утопия выступает как феномен сознания, выражаемый через создание литературных произведений, то утопизм уже выступает как разновидность духовно-практического отношения. Общим в утопии и утопизме следует признать ориентацию на идеал. Однако если утопия дает подробное, детализированное и последовательное описание заведомо воображаемого общества, то утопизм ограничивается

⁴¹ Акиндинова Т.А., Бердюгина Л.А. Новые грани старых иллюзий. Проблемы мировоззрения и культуры в буржуазной эстетической и художественной мысли XIX—XX веков. Л., 1984. С. 195.

провозглашением абстрактного принципа и редуцирует идеал к определенному социально-политическому или экономическому устройству (например, суверенитет народа или уничтожение частной собственности). Таким образом, ценность, делающая утопический проект желательным, оказывается сведена к организационному мероприятию, т.е. к средству.

1.2. Жанровое взаимодействие утопии и научной фантастики в русской литературе XIX—XX веков

Прогнозы будущего в художественных произведениях многие называют либо утопией, либо научной фантастикой, поэтому эти жанры нуждаются в уточнении определения.

Термин «фантастика» появился в начале XIX века. В обиход его ввел французский критик Шарль Нодье, автор работы «О фантастическом в литературе». Фантастика является одним из наиболее широко толкуемых терминов в современной науке. Чаще всего под фантастикой (в переводе с греческого «искусство воображать») подразумевают «специфический метод художественного отображения жизни, использующий художественную форму-образ (объект, ситуацию, мир), в котором элементы реальности сочетаются несвойственным ей, в принципе, способом, — невероятно, “чудесно”, сверхъестественно»⁴².

В фантастических мирах находит выражение человеческая потребность наглядно и целостно воплотить представления о фундаментальных законах, скрытых за эмпирическим обликом мира, и утопический идеал. Фантастические образы, их системы эволюционируют, поскольку лежащие в их основе понятия «возможного» и «невозможного», а также характер противоречия между ними исторически меняются. Так, в первобытном мышлении всякое представление есть, по сути, фантастический образ, поскольку предметы и явления еще не расчленены. Постепенное развитие мифологического мышления с присущей ему персонификацией природных и общественных сил в фантастических образах

⁴² Цит. по.: Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А.Сурков. М., 1972. С. 887.

приводит к формированию устойчивой, внутренне непротиворечивой и всеобъемлющей системы мифологической фантастики, по мере распада которой отдельные образы утрачивают практический ритуальный смысл и переходят в волшебную сказку и героический эпос⁴³.

В эпоху Средневековья фантастические сюжеты приобретают религиозный характер. В мире религиозной фантастики реальные предметы и явления выступают уже не как живые воплощения божественных существ (как в мифологии), поскольку божество уже мыслится как символ потустороннего. Поэтому воплощение высшей сущности носит характер исключительного и символического в основе чуда.

«И в древности, и в Средневековье, — пишет литературовед В.Коровин, — мир представлялся исполненным тайн и загадок, и человек объяснял сложные, противоречивые, катастрофические явления природы исторической и общественной жизни вмешательством роковых, потусторонних сил или Божественным Промыслом. В его обычной жизни фантастические представления — таинства и чудеса загробной жизни, пугающий грешников адский пламень, сожжение еретиков, будто бы заключивших союз с дьяволом, народные поверья о колдунах, о добрых и злых духах — тоже занимали большое место»⁴⁴.

Рубеж XIX—XX веков отмечен новым сдвигом в содержании и формах фантастики, обусловленным кризисом религии и становлением научного мышления. Целостное художественное воплощение обобщенной картины социальных противоречий становится осознанной функцией фантастики, а поиски их разрешения происходят в пределах самой действительности. Фантастика более не удваивает действительность введением особого мира, а предлагает свой фантастический мир как обобщенную модель единственной реальности. Это особенно заметно в получивших широкое распространение собственно утопических произведениях. «Система их образов подчеркнута рационалистична, они

⁴³ См.: Мифология // Античная литература / Под ред. А.А.Тахо-Годи. М., 1986. С. 14.

⁴⁴ Коровин В.И. Увлекательный жанр // Нежданные гости. Русская фантастическая повесть эпохи романтизма. М., 1994. С. 6.

сознательно “конструируются” в соответствии с представлениями о желаемом и должном. Утопический образ из категории “невозможного” сдвигается в более узкую категорию “несуществующего”, но потенциально возможного»⁴⁵.

В эпоху преобладания научного мышления на роль ведущего типа фантастики выдвигается так называемая научная фантастика, в которой широко используются образы, построенные на основе научных гипотез и представлений. Научная фантастика широко представлена утопическими и антиутопическими произведениями. В западной научной фантастике распространен мрачный вариант антиутопии (например, О.Хаксли), изображающий будущее с позиции либерального индивидуализма и социального пессимизма как неизбежное торжество научно-тотализированного «ада».

Фантастика формировалась и развивалась преимущественно под знаком поиска темы и адекватной ей формы. Первой с хронологической точки зрения фантастической повестью в России является повесть Н.Комарова «Холодный город» (1918), посвященная глобальной катастрофе, которая преодолевается мощью технического гения человечества. Параллельно в это время одно за другим появляются произведения социальной, философской направленности, зарождаются и оформляются утопия, антиутопия советского времени (например, «Мы» Е.Замятина, «Месс-Менд» М.Шагиняна, «Грядущий мир» Я.Окунева и др.). В них значительное место занимает тема революции, осмысливаемая под разными углами зрения.

В XX веке, как отмечает В.А.Чаликова, в утопии все больше преобладает «технический уклон, в центре оказывается не столько социально-политическая организация будущего, сколько прогнозирование научных достижений и — главное — их социальные и психологические последствия»⁴⁶.

Польский исследователь Е.Шацкий классифицирует утопии на эскапистские и героические.

Эскапистские (эскапизм (от англ. *escape* — бежать, спастись) — стремление личности уйти от действительности в мир

⁴⁵ См.: Краткая литературная энциклопедия: В 8 т. Т. 7. С. 894.

⁴⁶ Чаликова В. Предисловие // Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. С. 5.

иллюзий, фантазии в ситуации кризиса, бессилия, отчуждения) **утопии** — это мечтания о лучшем мире без призыва к борьбе за него (классический пример — «Утопия» Т.Мора). В рамках эскапистской утопии обнаруживаются два способа бегства от действительности: утопии места и утопии времени.

Утопии места — это повествование о странах, в которых люди живут счастливо, но этих стран нельзя найти ни на одной географической карте («Утопия» Т.Мора и «Икаррия» Э.Кабэ). В большинстве таких утопий дается описание далеко идущей идеализации известных стран или, скорее, стран, известных ровно настолько, чтобы можно было приписать им идеальные общественные отношения. Но в любом случае, это общества, отгороженные от внешнего мира. Утописты в своем большинстве были весьма образованными, они сознательно использовали приемы литературы о путешествиях, чтобы тем самым сообщить некоторые идеи, которые иначе не могли бы рассчитывать на столь же широкое распространение. «Утописты, — как отмечает Е.Шацкий, — стремились не столько информировать своих читателей, сколько поучать их»⁴⁷, используя усиленный спрос на экзотические новинки и пропагандируя новые идеи.

Утопии времени (ухронии) рисуют счастливое «когда-то» или «когда-нибудь». В большей мере ухронии характерны для произведений зарубежных авторов (библейский рай, «золотой век» античных авторов, произведения с выбранными датами — «2440» Л.С.Мерсье или «2000» Э.Беллами), в которых появляется идеал общества. В утопиях данного вида прошлое и будущее никак не связаны с настоящим, а лишь противостоят ему. Отечественная утопия времени как способ бегства от действительности выражена в романе В.Ф.Одоевского «4338-й год».

Героические утопии, содержащие какие-либо программы и призывы к действию, делятся на утопии ордена и утопии политики.

Утопии ордена в своей основе содержат деятельность, целью которой является создание неких островов добра внутри плохого общества. В них идет утверждение идеала, противопоставленного реально существующему обществу. В конце XVIII — первой половине XIX веков в Европе были весьма многочисленны «Союзы

⁴⁷ Шацкий Е. Утопия и традиция. С. 63.

друзей», выступающие против мира «старых», в котором они усматривали господство эгоизма. Приверженцы «Союза друзей», не видя возможности полного преобразования этого дурного общества, создают внутри него маленький мир, основанный на совершенно иных принципах, нежели большой мир. Классическим литературным примером служит роман И.В.Гете «Вильгельм Мейстер», представляющий собой настоящую антологию утопических мотивов.

Утопии политики направлены на замену существующего общества новым, идеальным. Это практическое применение утопического мышления в жизни общества. Классические примеры утопий политики дает эпоха Великой французской революции, единственная в истории эпоха, когда революционная политика жила лозунгом «начать все сначала», лозунгом полного разрыва с прошлым и построения нового общества по принципу разума.

В современной отечественной литературе утопия рассматривается среди жанров научной фантастики. Заметная роль в утопических проектах отводится научно-техническому прогрессу. Утописты, предлагая устранить тяжелую работу с помощью всевозможных фантастических машин (как у В.Одоевского, Е.Замятина и др.), ограничиваются только назначением несуществующих машин, но воздерживаются от технических описаний. Эта характерная черта социальной утопии отделяет ее от научной фантастики. Утописты понимают, что без машины не обойтись, но новые изобретения сами по себе их не увлекают. Чаще всего — это чистый вымысел, смелое предположение, далеко выходящее за пределы знаний, прием, позволяющий писателю перенести своего героя в необычную обстановку — в далекое будущее, на другую планету, или в мир, изменивший свои обычные пропорции.

Дальнейшую судьбу утопического государства, где несоответствие между быстрыми темпами развития науки и техники и низким уровнем сознания человека приводит к необратимым последствиям, невозможно было бы показать без фантастических идей, изобретений и экспериментов, используемых авторами утопий. Тем самым в утопиях виден философский уровень содержания: опасность прогресса науки, опережающего прогресс морали. Фантастика 50—60-х годов XX века была преимущественно утопической по своей направленности. Все авторы рисуют в своих

произведениях торжество коммунизма на Земле, объединенное человечество, дерзающее решать глобальные проблемы космической экспансии. Ярким выразителем этого направления художественного поиска стала утопия И.А.Ефремова «Гуманность Андромеды», которая создавалась под влиянием писательского кредо — «либо будет всепланетное коммунистическое общество, либо не будет никакого, а будет песок и пыль на мертвой планете».

Роман породил множество прямых и косвенных подражаний. Однако стремление к глобальным обобщениям нередко приводило авторов к поверхностности и злоупотреблению фантастическими реалиями и антуражем. Упоение техническим прогрессом и его возможностями дало неумеренную увлеченность описаниями инженерных чудес и новшеств. В произведениях растут города «под куполами», космические корабли штурмуют дальние Галактики, человечество преобразует миры (С.Снегов «Люди как боги»). Но за «громадой» этих миссионерских фантазий человеческий фактор понемногу «теряется», становится «подчиненным» технократической фантазмагии.

В конце 60 — начале 70-х годов отчетливо обозначился кризис данного направления. Во многом это связано с тем, что утопические модели будущего создавались в 60-е годы с активной ориентацией на достижения технического прогресса. Однако техногенный путь дальнейшего развития цивилизации в 70-е годы уже стал представляться неочевидным. Это подтверждалось непродуктивностью технологических прогнозов — оказалось, наука развивается быстрее, чем пишутся произведения, а главное, не ее открытиями определяется будущее человечества. Более того, появился ряд существенных проблем и вопросов, которые ранее не могли стоять перед фантастикой (например, вопрос видового изменения человека, проблемы существования человека как части целостной экологической системы Земли и др.). Их решить с помощью «технических фантазий» в рамках социального оптимизма было затруднительно.

Утописты конструируют некую «вторую действительность», противопоставленную окружающей реальности и содержащую острую критику современности. Расцвет утопической литературы совпадает со временем культурных кризисов и кардинальных перемен в жизни общества. Своими корнями она уходит в архаические

мифы о посещении подземного царства и в жанр народной сказки, важное место в которой зачастую занимают волшебные страны, где текут «молочные реки с кисельными берегами», добро окончательно побеждает зло и т.п. В процессе исторического и культурного развития в литературе выработался ряд устойчивых сюжетных ходов, которые обеспечивают перемещение героя из обыденного мира в фантастическую реальность утопии: сны, видения, путешествия в неведомые дальние страны либо на другие планеты и т.п. Мир утопии располагается вне привычных времени и пространства; помещается в странах на другом конце Земли (а порой и за ее пределами), недоступных простым смертным, и «фантастическим образом» открывающихся стороннему гостю; переносится в «прекрасное будущее», воплотившее в жизнь светлые чаяния современного человечества.

На основании вышесказанного можно выделить два основных блока утопических сюжетов: «пространственные» утопии и утопии-сновидения.

«Пространственные» утопии преобладали в период с античности до Нового времени. В утопиях такого характера в основе сюжета некое совершенное общество помещалось в каком-то отдаленном, ранее неизвестном месте (например, республика Океания Якова Гаррингтона, острова Утопия Томаса Мора и Атлантида Френсиса Бэкона или страна Икария Этьена Кабэ). Но по мере освоения человеком географического пространства земли местопребывание совершенного общества переместилось либо за пределы земного шара, в космические дали, либо в очень отдаленное время. Как справедливо замечает Е.Л.Черткова, «этими приемами достигалась изоляция изображаемого утопистом общества от реального мира, известного и привычного автору и читателям, что позволяло утопии служить неким условным образцом совершенства»⁴⁸.

В России литературная утопия появляется лишь в XVIII веке и наследует многие традиции европейской утопии. Русские писатели-утописты отправляют своих героев в далекие неведомые страны в поисках «Царства Божьего». Русский историк и публицист князь М.М.Щербатов в книге «Путешествие в землю Офирскую»

⁴⁸ Черткова Е.Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала. С. 157.

описывает благословенный край, рассказывает о социальном и политическом устройстве вымышленной страны с библейским названием, тем самым обращаясь к русской действительности и рисуя идеальный образ общественного правления.

Утопические картины земного блаженства, созданные А.Н.Радищевым и писателями-декабристами, переносят читателя в далекое будущее, где социальный прогресс и гуманистическое отношение к отдельной личности достигли совершенства. Для перемещения во времени они нередко придавали своим сочинениям форму **сновидений**, которая чрезвычайно характерна для русских утопий XVIII—XIX веков (например, «Сон “Счастливое общество”» А.В.Сумарокова, сон в главе «Спасская Полесь» в книге А.Н.Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», «Сон» А.Д.Улыбышева, четвертый сон Веры Павловны в романе Н.Г.Чернышевского «Что делать?»). Форма сновидений позволяет авторам создать картину не только идеального места, но и идеального времени.

Среди различных по своему содержанию утопий наиболее ярко выделяется утопический социализм, выражавший идеалы угнетенных трудящихся масс, обосновывающий идеи социального равенства и справедливости. В литературе утопического социализма, в свою очередь, существовали разнообразные направления, отличающиеся друг от друга по своему социальному значению и теоретической зрелости социалистических идеалов⁴⁹.

Как форма социальной фантазии, утопия опирается в основном не на научные и теоретические методы познания действительности, а на воображение. С этим связан целый ряд особенностей утопии, в том числе таких, как намеренный отрыв от реальности, стремление реконструировать действительность по принципу «все должно быть наоборот», свободный переход от реального к идеальному. В утопии всегда присутствует гиперболизация духовного начала, в ней особое место уделяется науке, искусству, воспитанию, законодательству и другим факторам культуры.

Большое значение со временем приобретает критическое отношение к обществу, прежде всего к буржуазному, которое

⁴⁹ См.: Шестаков В.П. Эсхатология и утопия (очерки русской философии и культуры). М., 1995. С. 36.

выражает антиутопия — новый тип утопии, сформировавшийся во второй половине XIX века.

Элементы антиутопии получают отражение в разностороннем творчестве Герберта Уэллса — романах «Война миров», «Война в воздухе». «Социально-фантастические романы Уэллса, — писал в 1922 году русский писатель Е.И.Замятин, — от утопий отличаются настолько же, насколько плюс А отличается от минус А: это — не утопия, это в большинстве случаев социальные памфлеты, облеченные в художественную форму фантастического романа»⁵⁰.

Фантастика — важный элемент утопии. Авторы утопических романов всегда смело пользовались приемами фантастического описания. Но, тем не менее, утопия как традиционный и достаточно определенный вид искусства отличается от чисто фантастической литературы или современной научной фантастики, которая далеко не всегда занимается построением возможного образа будущего. Отсюда следует, что основное отличие утопии от фантастики связано с различием по линии социальной темы. Поскольку фантастика — явление неоднородное, и внутри нее тоже есть своя классификация, по которой, как признают сейчас многие фантастоведы, наряду с научной фантастикой и фэнтези, выделяется социальная фантастика, а это и есть утопия/антиутопия, то речь должна идти о различии научной и социальной фантастики и фэнтези. Внутри соотношений утопия — фантастика и антиутопия — фантастика есть свои различия. В утопии фантастика проступает в основном лишь через воображаемое пространство будущего. Фантастика антиутопии изошренна, виртуозно изобретательна, почти безгранична в разнообразии сюжетов, особенно в переходных формах, сочетающих научную и социальную фантастику⁵¹.

Главный признак научной фантастики — наличие фантастического вымысла на основе научного открытия, преображенного наукой мира. При этом сюжет в научно-фантастическом произведении строится с установкой на достоверность, то есть читатель воспринимает описанный мир как возможный в реальной

⁵⁰ Замятин Е. Герберт Уэллс. Пг., 1922. С. 43.

⁵¹ Воробьева А.Н. Русская антиутопия XX века в ближних и дальних контекстах. Самара, 2006. С. 13.

действительности. Социальная фантастика — утопия и антиутопия — подчиняет сюжет, построенный на научном вымысле, задаче привлечения читателя к образу прекрасного будущего или предостережения такого будущего, которое может оказаться неприемлемым для человечества.

Г.Уэллс и некоторые другие авторы научно-фантастических романов, правильно предсказавшие многие достижения техники, часто впадали в одну ошибку: они ставили слишком долгие сроки. На деле все осуществлялось гораздо быстрее; требовались не столетия, а короткие годы или десятки лет. Подобно движению свободно падающего тела, развитие науки идет с нарастающей скоростью. То же нередко происходит и с историческими явлениями. Математик Е.И.Замятин, ставший писателем-пророком, не учел в своих прогнозах момента ускорения. Его Единое Государство, олицетворяющее собой завершенный тоталитарный строй на социалистической основе, удалено от нас почти на тысячу лет.

Антиутопия Е.И.Замятина — не образ сложившегося общества, а изображение того момента в его циклическом движении, когда пришел час нового взрыва. С какого-то момента рассказчик перестает быть поводырем в новом мире и превращается в сейсмограф собственной души, ощутившей клочкотание подземной лавы, оставаясь при этом интеллектуалом, ищущим логические формулы для своих ощущений. Замятин мыслил не «эрами», а «моментами», и был в этом смысле значительно оптимистичнее своих гонителей, но его диалектический оптимизм предполагал беспощадность оценки настоящего. В статье «Завтра» Е.И.Замятин определил идейное содержание романа «Мы» следующим образом: «Вчера был царь и были рабы; сегодня нет царя, но остались рабы, завтра будут только цари... Мы пережили эпоху подавления масс; мы переживаем эпоху подавления личности во имя масс. Завтра принесет освобождение личности во имя человека. Война империалистическая и война гражданская обратили человека в материал для войны, в номер, в цифру»⁵².

В антиутопии Е.И.Замятина утопичным остается бесклассовое общество будущего, представляющее собой равенство всех в бесправии и потере индивидуальности. Значительно правдоподобнее

⁵² Замятин Е. Лица. Нью-Йорк, 1955. С. 174.

выглядит трехчленная социальная структура, как ее представляет Дж. Оруэлл, с верхушкой в виде «внутренней партии», средним слоем, состоящим из «внешней партии», т.е. ее рядовых членов, и малокультурными беспартийными «пролетариями» в качестве подножья всей пирамиды. Со свойственной его авторской манере «документальностью», Оруэлл объясняет смысл и происхождение такой общественной структуры, ссылаясь на трактат некоего Эммануэля Гольдштейна, бывшего основателя партии, а теперь ее главного, но по существу мифического врага. Этот Гольдштейн, в котором нетрудно узнать образ Троцкого, пишет: «...Давно стало понятно, что единственная надежная основа для олигархии — коллективизм. Богатство и привилегии легче всего защитить, когда ими владеют сообща. Так называемая отмена частной собственности, осуществленная в середине века, на самом деле означала сосредоточение собственности в руках у гораздо более узкой группы — но с той разницей, что теперь собственницей была группа, а не масса индивидуумов. Индивидуально ни один член партии не владеет ничем, кроме небольшого личного имущества. Коллективно партия владеет в Океании всем, потому что она всем управляет и распоряжается продуктами так, как считает нужным. В годы после революции она смогла занять господствующее положение почти беспрепятственно потому, что процесс шел под флагом коллективизации. Считалось, что, если класс капиталистов лишит собственности, наступит социализм; и капиталистов, несомненно, лишили собственности»⁵³.

В этом блестящем анализе Оруэлл предвосхитил книгу Милована Джиласа «Новый класс», описавшего общественную структуру в коммунистических странах, опираясь на свой личный богатый опыт в «строительстве социализма». В такой научности, взятой на этот раз без всяких кавычек, и заключается главное отличие антиутопии Оруэлла от антиутопического произведения Замятина, которое, несомненно, послужило Оруэллу образцом. Во внешней канве обоих романов — «Мы» и «1984» — есть много сходства. В обоих произведениях главным героем повествования является человек, принимающий активное и нужное участие

⁵³ Оруэлл Дж. 1984: роман. Скотный Двор: сказка-аллегория. М., 2006. С. 209—210.

в работе государственной машины тоталитарного строя будущего, хотя и с разной степенью энтузиазма. Оба они ведут записи, в которых, по существу, стараются найти самих себя в условиях этого строя. В обоих случаях на активное сопротивление режиму толкают их мятежные женщины и любовь к этим женщинам, запретная по законам нового общества, которое не терпит искренних человеческих чувств. Оба романа заканчиваются торжеством бездушной машины тоталитарного государства и ее победой над живым человеком: героини принуждены поклониться государственно-му Молоху, растлить себя и предать самое дорогое, что у них есть в жизни, — своих возлюбленных. Однако различие тут существеннее, чем сходство.

Е.И.Замятин и Дж.Оруэлл борются художественными средствами против реального зла, угрожающего человечеству, — грядущего тоталитарного социализма. Но Е.И.Замятин направляет свою сатиру против «идеала» этого зла, рисует картину того, что произойдет, если этот «идеал» осуществится. На его картину надо смотреть с некоторого расстояния, не всматриваясь в детали: при всей своей правдивости она не имеет отчетливых контуров, как не может их иметь и сам идеал. Оруэлл, напротив, изображает отнюдь не идеал, а реальную жизнь людей в том случае, если тоталитарный социализм, т.е. коммунизм, одержит верх во всем мире. Не переставая быть художником, Оруэлл рассматривает будущее общество с добросовестностью натуралиста.

Отличается утопия и от народных легенд о лучшем будущем, так как, в конечном счете, она — порождение индивидуального сознания; и от сатиры (хотя очень часто включает сатирический элемент), поскольку критикует, как правило, не какое-либо конкретное явление, а сам принцип общественного устройства. Наконец, она отличается и от футурологических проектов, так как представляет собой произведение искусства, которое несводимо прямо к определенному социальному эквиваленту и всегда несет в себе авторские симпатии и антипатии, вкусы и идеалы.

Таким образом, литературное поле утопии оказывается очень широким — от математического трактата о квадратуре круга до проекта совершенного города. Утопия — это рационально-художественное освоение того, что уже дано человеку в метаисторических формах мышления — в мифологии, в эсхатологических

пророчествах. Будучи способом и формой рационализации существования человека, освобождения его от власти смерти, власти истории, утопия не имеет никакого источника, кроме себя самой, никакого другого начала. Утопия рождается из утопии. Другое дело, что на каждом данном отрезке истории можно определить ее временный источник — социальную идеологию, технологический миф, экологическую этику.

Несмотря на несомненное сходство жанров научной фантастики и утопии, существует и ряд отличий:

— научная фантастика означает научно-художественную литературу, авторы которой в своих фантазиях фактически не ограничены ничем, лишь бы фантазия была оригинальной, а изложение захватывающим. Утопией же называют искусственные конструкции общества, которые с точки зрения их авторов решали бы те проблемы и противоречия, которые видны в реальном обществе;

— фантастика в большинстве случаев ориентирована на изображение «сверхъестественных картин Вселенной»⁵⁴, утопия же в основном показывает желаемые социальные преобразования общества, истоки которых лежат в неудовлетворенности автора окружающей действительностью;

— фантастика несет в себе приключенческое начало, а именно представляет собой странствия по вымышленным мирам, в основном за пределами познанного мира. В утопии и антиутопии действие происходит в государстве, прототипом которого является реальный общественный строй;

— в фантастической литературе авторы отводят особое место техническим характеристикам изобретений с научной точки зрения. Для утопических и антиутопических проектов это не является важным. Главное — показать социальное устройство общества и место человека в нем.

⁵⁴ Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. Версия 2007 г. [Электрон. ресурс].

1.3. Эволюция утопической мысли

Слово «топия» (от греческого *topos*) означало место. Приставка «у» могла происходить либо от греческого «уи», либо от «ои». В первом случае это эвтопия (от греческого *eu-topia* — «совершенное место»), во втором — утопия (в переводе с греческого — «место, которого нет»).

У истоков утопии стоял Платон. Английский историк, литературовед и публицист А.Мортон утверждал, что «всю утопическую литературу можно рассматривать как гигантский комментарий к сочинению “Государство”»⁵⁵. По мнению Е.Л.Чертковой, в платоновской концепции идеального полиса наметились «метафизические предпосылки утопии». Это проявилось в использовании мифов как системы литературных приемов, а не как атрибутов сакрального, в усилении рационализма и антиисторизма, вследствие чего «диктат традиции, свойственный мифологическому мышлению, сменяется диктатом разума»⁵⁶, «в разделении мира на видимый, неподлинный и невидимый, подлинный», причем «идеальный мир Платона противостоит обыденному не только логически и онтологически (как абстрактное — конкретному, сущность — явлению, оригинал — копии), но и аксиологически, как благое — злему»⁵⁷. В трактате «Государство»⁵⁸ Платон рассуждал об образе жизни, посвященном истинной философии, и заметил, что именно он позволяет возвести душу к истинному бытию. Платон, полагавший искусство обманчивой видимостью, а его мастеров вторичными подражателями не идее, а вещам, не допустил художников и их произведения в идеальное государство. Он считал их «кучей такого народа, присутствие которого не вызвано никакой необходимостью... их много по части рисунков и красок, много и в мусическом искусстве: поэты... рапсоды, актеры, хоревты, подрядчики, мастера различной утвари, изделий всякого рода и женских уборов»⁵⁹.

⁵⁵ Мортон А. Английская утопия / Пер. с англ. В.Волкова. М., 1956. С. 7.

⁵⁶ Черткова Е.Л. Утопия как способ постижения социальной действительности. Екатеринбург, 2001. С. 93.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ См. об этом: Платон. Государство. Законы. Политик. М., 1998. С. 537—574.

⁵⁹ Там же. С. 115.

Для Платона вопрос о правильном устройстве государства являлся продолжением размышлений о сущности понятия «государство» и о вытекающих из этого представлениях, о его смысле, цели, предназначении и функциях. Платон искал не счастья людей, как это будет в позднейших утопиях, а истину, понимаемую в данном случае как соответствие предмета своей идее. Для него учение о совершенном государстве, что позднее и стали называть утопией, являлось, прежде всего, философской теорией социальной, формой познания общества. Именно на основе соотнесения понятия о государстве с его идеей Платон и разработал свой проект совершенного общества. Лишь познав идею государства, считал он, можно получить его совершенный образ, в соответствии с которым, подобно художнику или ваятелю, можно приступать к его созиданию. Если же руководствоваться случайными мнениями о том, что такое государство, то получим то государство, какое имеем, ибо «никогда, ни в коем случае не будет процветать государство, если его не начертят художники по божественному образу»⁶⁰. Именно поэтому во главе совершенного государства должен стоять философ, целью которого является всматривание в истинное бытие, чтобы созерцать «нечто стройное и вечно тождественное» и уподобляться ему, вносить «в частный и общественный быт то, что он усматривает наверху»⁶¹. Космологическая теория устройства мироздания служит фундаментом исследования социально-философских и даже социологических проблем устройства идеального общества. Платон строил метафизику общества как теорию идеального общественного устройства, причем идеального в двух смыслах: как совершенного (реализованный идеал) и как соответствующего своей идее.

В финале «Государства» мы можем прочесть, что, в конце концов, «не так важно, как должно или как может быть» в идеальном государстве. Достаточно уже, если кто-то один живет по законам этого Города, т.е. по закону Блага, Добра и Справедливости. Ведь прежде, чем возникнуть в реальности внешней, т.е. в истории,

⁶⁰ Платон. Государство. Законы. Политик. С. 254.

⁶¹ Там же.

платоновский Город родится внутри человека, по крайней мере, здесь его позиция неоспорима⁶².

Говоря о Платоне, Е.Л.Черткова замечает: «Для него вопрос о правильном устройстве государства являлся продолжением размышлений о сущности понятия “государство” и о вытекающих из этого представлениях о его смысле, цели, предназначении и функциях. Вопрос стоял так: существует ли образ правления, хороший по самой своей природе, основанный на началах достоверных, абсолютных, независимых от времени и места, и каким должно быть государство, чтобы оно соответствовало своему понятию»⁶³.

Таким образом, Платон создал первую модель идеального государства, появление которой является результатом его размышлений об эволюции, различных формах и понятии идеального государства. Платоновская модель не просто постулируется и предлагается, она противопоставляется отрицательным типам государства (олигархии, демократии, тирании, тимократии). Они, по Платону, извращения того, что должно быть. Этим определяется акцент первого проекта Платона: преодолеть несовершенство и противоречия современных ему государственных реалий⁶⁴.

Следующим этапом развития утопической мысли является средневековое мировоззрение, сыгравшее важную роль в эволюции утопии в Европе. Раннехристианские хилиастские ереси Средневековья (учения о грядущем тысячелетии Царства Божьего) наиболее ярко воплотились в философии истории итальянского монаха-богослова XII века Иоахима Флорского. Он предсказал скорое наступление эпохи Третьего Завета — Завета Святого Духа, когда на земле водворится Христова правда и материальная жизнь облачится в идеальные формы. Концепция И.Флорского оказала влияние на идеалистические представления о будущем в позднем Средневековье и в эпоху Возрождения. Испытал это

⁶² Реале Д. Западная философия от истоков до наших дней / Пер. с итал. С.Мальцевой. СПб., 1994. С. 128.

⁶³ Черткова Е.Л. Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) // Вопросы философии. 2001. № 7. С. 49.

⁶⁴ Гавриляк А.И., Зейле Н.И. Проблема идеологических констант тоталитаризма: учение Платона об идеальном государстве // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Томск, 2000. Вып. 3. С. 13.

и английский священник Томас Мор, автор сочинения, названию которого обязан своим существованием сам термин «утопия». Благодаря Т.Мору в западноевропейской литературе XVI—XVII веков окончательно складывается жанровая структура утопии и ее основной тематический принцип — подробное описание регулируемой общественной жизни.

Томас Мор не просто создал картину идеального государственного устройства, где достигнута гармония высшей власти и личности, но сформировал ведущие идеи утопии⁶⁵. В книге Т.Мора ощутимо воздействие довольно широкого круга представлений и суждений о государстве и формах государственного устройства, существующих или, по крайней мере, описанных ранее: очевидно обращение к Платону и Лукиану, равно как и связь со средневековой приключенческой литературой. Исследователь Е.Л.Черткова, сравнивая Платона с Т.Мором, пишет: «В то время как Платон создавал свой “чертеж” идеального государства, отталкиваясь от интеллигентной идеи, Мор посягнул на описание его “действующей модели”... Абсолютное и совершенное государство мыслится теперь как пребывающее в том же плане бытия, что и несовершенное и относительное»⁶⁶.

Идеальный мир Мора максимально «овнешнен»⁶⁷: детально оговорены церемонии брака, но нигде не упоминается о любви. Утопийцы лишены внутреннего, духовного пространства, их жизнь фасадная и напоминает театральное действие. Как отмечает С.А.Гончаров, человек утопии «является атрибутом утопического действия»⁶⁸.

Произведение английского ученого фиксирует основные противоречия утопии как художественного текста. Идеальный мир ориентирован на общинные ценности, а значимость личности ничем не подтверждена, отсюда и свобода «я» весьма относительна:

⁶⁵ См. об этом: Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века: Монография. Томск, 2005. С. 24.

⁶⁶ Гавриляк А.И., Зейле Н.И. Проблема идеологических констант тоталитаризма. С. 52.

⁶⁷ Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века. С. 24.

⁶⁸ Гончаров С.А. Мифологическая образность литературной утопии // Литература и фольклор. Вопросы поэтики: Межвузовский сб. науч. тр. Волгоград, 1990. С. 42.

человек может верить во что хочет, но не верить нельзя, может путешествовать куда угодно, но только если получит пропуск от властей.

Заданные Т.Мором утопические идеи воплотились в «Городе Солнца» Т.Кампанеллы (1623) и в образе «Новой Атлантиды» Ф.Бэкона (1627), признаваемых классическими и сегодня⁶⁹.

Т.Кампанелла в утопическом произведении «Город Солнца» (1623) подвергнул критике феодальные отношения и сопутствующие им такие явления, как праздность, ленность, тунеядство, отвергнул частную собственность и противопоставил ей общественную. Несмотря на всю наивность и утопичность суждений Т.Кампанеллы, некоторые его положения заслуживают серьезного внимания. К ним относятся воспитание любви и уважения к труду, выбор сферы трудовой деятельности в соответствии со склонностями и способностями, усиление роли общественных, государственных органов в воспитании подрастающего поколения, эмансипация женщин.

Основные причины зла, по Т.Кампанелле, — людские пороки, прежде всего эгоизм, порождающий одних жить за счет других; невежество и непонимание необходимости перехода к новому, более совершенному общественному порядку. И как средство борьбы против этого зла Т.Кампанелла предлагает отрешение от себялюбия, вследствие чего останется только любовь к общине⁷⁰.

«Утопию» Т.Мора и «Город Солнца» Т.Кампанеллы объединяет то, что они создавались в соответствующих условиях периода первоначального накопления капитала и разложения феодальных отношений, их авторы являются наиболее яркими представителями раннего утопического социализма. В их взглядах отражалась идеология освободительного антифеодального движения наиболее угнетенной части народа — крестьянства.

В 1614—1627 годах английским философом Ф.Бэконом написана книга «Новая Атлантида» о загадочной стране Бенсале, которой руководит «Соломонов дом», или «Общество для познания истинной природы всех вещей», объединяющее главных мудрецов страны. От коммунистических и социалистических утопий

⁶⁹ Бакулов В.Д. Социокультурные метаморфозы утопизма. С. 72.

⁷⁰ Кампанелла Т. Город Солнца. М., 1980. С. 34.

утопия Бэкона отличается своим ярко выраженным технократическим характером: на острове царит культ научно-технических изобретений, которые выступают главной причиной преуспевания населения. Атланты обладают агрессивным и предпринимательским духом, причем поощряется тайный вывоз сведений о достижениях и секретах других стран членами «Соломонова дома». Символизм Бэкона проникнут двумя величайшими идеями философа: универсальным образованием и универсальной демократией⁷¹. И Кампанелла, и Бэкон концентрировали свое внимание на фигуре властителя, монарха, которому открыта истина, на его отношениях с подданными.

В изданной в 1657 году книге «Иной свет, или Государства и империи Луны» Э.С.Сирано де Бержерак предпринял попытку дать утопическую трактовку библейского сюжета и тем самым обнажил религиозные корни жанра — здесь повествуется о путешествии в утопическое государство на Луне, где продолжают жить Енох, пророк Илия, ветхозаветные патриархи.

Утопия занимала особое место в культуре эпохи Просвещения, которую называют классическим веком этого жанра. Просветители стремились к практическому усовершенствованию окружающего мира⁷². В эпоху Просвещения утопические проекты осознавались как вполне реальные модели устройства будущего общества. По этой причине они в основном выражались в жанре публицистических трактатов (У.Годвин, Ж.-Ж.Руссо и др.), а не в художественной форме. Среди немногих исключений — «Кодекс природы, или Истинный дух ее законов» (1755) Морелли и роман «2440-й год» Л.Мерсье, которые положили начало жанровому подтипу утопических книг о состоянии общества в определенный, четко датированный момент отдаленного будущего.

Первая половина XIX века в Европе ознаменована идеями утопического социализма (Ш.Фурье, Сен-Симон, Р.Оуэн). В основном они по-прежнему выражались в сочинениях философско-

⁷¹ См.: Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. СПб., 1994. С. 275.

⁷² Свирида И.И. Искусство и утопия: год 2440 // Утопия и утопическое в славянском мире: Сборник статей. М., 2002. С. 63.

публицистических, однако в художественной литературе романтизма возникали отдельные изображения «светлого будущего» («Королева Маб», «Освобожденный Прометей» П.Б.Шелли, «Остров» Дж.Байрона, «Грех господина Антуана» Ж.Санд, «Отверженные» В.Гюго, «Марди» Г.Мелвилла, «Путешествие в Икарию» Э.Кабэ).

В целом утопическое сознание XIX века продолжает традиции гуманизма эпохи Просвещения. Ему так же свойствен очевидный антиисторизм, склонность к созданию универсальных схем для решения любых социальных вопросов, представление общества будущего в застывшей форме, неспособность принимать в расчет иррациональную, не поддающуюся регламентации природу человека.

На рубеже XIX—XX веков общий кризис общественных институтов Европы, осознание скорого конца «старого мира», ощущение приближающейся мировой войны и революционного взрыва привели к появлению многочисленных утопий и к теоретическому осмыслению этого литературного феномена (критические труды А.Фогта, Е.Кирхенгейма, А.Свентоховского, статья Леси Украинки «Утопия в беллетристическом смысле» и др.). Зачастую авторы утопий пытались уловить социальные контуры «нового мира», наступление которого «совсем не за горами». Некоторые художественные утопии, например, «Взгляд назад» Э.Беллами (1888), были восприняты как призыв к действию, как практические рекомендации по реальному осуществлению идеала. В полемику с Э.Беллами вступил У.Моррис, который в романе «Вести ниоткуда, или Эпоха счастья» (1891) свой проект коммунистической утопии сориентировал на образец христианского Средневековья. Утопические искания Э.Золя выражены в цикле романов «Четыре «Евангелия» (1899—1903). В 1905 году А.Франс выписывает очередную социалистическую утопию в романе «На белом камне». В 1908 году появилась первая утопическая драма «Зори» Э.Верхарна.

В западной литературе XX столетия утопия приобрела «технический» уклон. С середины прошлого века социальные иллюзии постепенно утрачивали к себе интерес, и одновременно нарастало внимание к техногенным факторам развития цивилизации. Это привело к тому, что в центре утопий оказалась не столько политическая

организация будущего общества, сколько прогнозирование научных достижений и — главное — их социальных и психологических последствий (А.Азимов, С.Лем и др.).

Историю русской литературной утопии традиционно начинают с XVIII века. Отечественная утопия не рассказывает о необычайной, сконструированной автором в соответствии с собственным кредо стране, как в европейской традиции, а, наоборот, изображает Россию, но, как пишет Т.Чернышева, изменившуюся, похорошевшую, избавившуюся от тех недостатков, которые видит в ней автор⁷³. В количественном отношении русская литературная утопия уступает западноевропейской⁷⁴. Это обстоятельство можно объяснить тем, что русская утопия не всегда оформлялась как самостоятельное произведение, она нередко была растворена в литературных произведениях других жанров — социальных романах, фантастических рассказах (например, «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Радищева, где утопическая установка прослеживается не во всем произведении, а выступает в рассказе о сне, в котором повествователю привиделось, что он — царь. Рассказав об угодничестве и лжи приближенных к царю, он вводит в рассказ «Истину», которая снимает бельмо с глаз царя и показывает ему страшную правду...)⁷⁵. Русский писатель и мыслитель зачастую острее, чем его европейский собрат, ощущал разрыв между идеалом и действительностью. Так, польский исследователь А.Свентоховский писал: «Утопии неравномерно распределялись по эпохам и нациям. Больше всего их произвели французы, затем англичане, затем — немцы и итальянцы, а у славян можно отыскать только слабые зародыши их»⁷⁶. То, что европейскому философу и сочинителю казалось возможным уже в процессе ближайшего созидания, для русского утописта представало пронзительной мечтой, осуществимой лишь в очень далеком будущем, писал В.П.Шестаков⁷⁷.

⁷³ Чернышева Т. Русская утопия // Сибирь. 1990. № 6. С. 122.

⁷⁴ Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века. С. 17.

⁷⁵ См.: Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Петрозаводск, 1971. С. 65—67.

⁷⁶ См.: Свентоховский А. История утопий. С. 420.

⁷⁷ Шестаков В.П. Эсхатология и утопия. С. 41.

Внимание к утопической литературе проявилось в последней трети XX века. Появились и издания утопических произведений. В 1977 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла в свет книга «Взгляд сквозь столетия», посвященная русской фантастике XVIII — первой половины XIX века. В нее вошли некоторые утопии, в частности, фрагменты из романа «Путешествие в землю Офирскую» М.М.Щербатова, «Сон» А.Д.Улыбышева, «4338 год» Ф.В.Одоевского. Но наряду с этими произведениями книга включает в себя и сочинения, основанные на чисто развлекательных фантастических сюжетных перипетиях⁷⁸.

Большинство европейских утопий строились как путешествие или неожиданное посещение неведомой страны, которая не обозначена на географической карте. Собственно, этот традиционный сюжетный ход заимствовал, например, М.М.Щербатов, описывая свою «землю Офирскую». Но чаще всего в русской литературе утопическое видение посещает героя во сне. Но не всякий сон можно считать утопией. Утопическими, по мнению В.П.Шестакова, можно считать только те «сновидения», которые позволяли писателю заглянуть в будущее⁷⁹. Для многих русских авторов сон был способом путешествия во времени из настоящего в будущее. На этом примере построены рассказ А.П.Сумарокова «Сон “Счастливое общество”», знаменитое описание сна из повести А.Н.Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (глава «Спасская Полесь»), «Сон» А.Д.Улыбышева, четвертый сон Веры Павловны из романа «Что делать?» Н.Г.Чернышевского, «Сон смешного человека» Ф.М.Достоевского и др. Сон — необязательная и условная форма представления о будущем. Это даже не мечта, а так — греза, за которую автор не может нести никакой серьезной ответственности.

«Сны» русских писателей-утопистов были достаточно серьезными и даже вещими. Известный русский писатель и драматург А.П.Сумароков в своем рассказе «Сон “Счастливое общество”» описывает некую «мечтательную страну», в которой правит государь, пекущийся о «всемирной пользе». Главное учреждение, которое занимается общественным правлением, — Государственный

⁷⁸ Русская литературная утопия / Вступ. статья В.П.Шестакова. М., 1986. С. 12.

⁷⁹ Там же. С. 13—15.

Совет, где заседают мудрейшие люди. В «счастливом обществе» люди оцениваются не по их происхождению, а по собственным заслугам. Здесь поддерживаются различные науки и ремесла, тогда как тунеядство, взяточничество и бюрократическая волокита запрещаются и преследуются.

«Счастливое общество» А.П.Сумарокова — антитеза современной ему реальности (правление Елизаветы), идеальное общество, которое противостоит действительности.

В свое время декабристы обратились к литературной утопии как к искусству, позволяющему соединить социальную критику настоящего с будущим. К числу декабристских утопий относится повесть «Сон» писателя и музыкального критика А.Д.Улыбышева, примыкавшего к декабристам. Улыбышев принадлежал к кружку «Зеленая лампа», членами которого были Л.Толстой, А.А.Дельвиг, А.С.Пушкин, А.Я.Якубович, Ф.Глинка.

Сюжет повести построен на традиционном литературном приеме. Герой повести засыпает и во сне видит будущее. Он оказывается в Петербурге, где возведены новые прекрасные общественные здания. Старые дома и дворцы также предназначены для общественных нужд. Если раньше город был наполнен бесчисленными казармами, то теперь в них расположены школы, академии и библиотеки.

В утопии А.Д.Улыбышева рассказывается об общественном перевороте, происшедшем около «300 лет назад», в результате которого пришел конец самодержавию и крепостничеству. А.Д.Улыбышев не употребляет слово «революция», но рисует весьма выразительную деталь: флаг, развевающийся на Дворцовой площади, вместо двуглавого орла — хищного символа русского самодержавия — изображает феникса, держащего венец из оливковых ветвей.

Новое общество, которое описал А.Д.Улыбышев в своем «Сне», — это общество свободных людей. Все они теперь равны перед законом. Армия, которая в прошлом составляла оплот самодержавия, ныне распущена. Три четверти доходов, которые ранее поглощала армия, теперь идут на общественное благосостояние и развитие промышленности.

Автором интересной социальной утопии является и писатель-декабрист Вильгельм Кюхельбекер. В 1820 году в журналах

«Невский зритель» и «Соревнователь просвещения и благотворения» печатаются его «Европейские письма». Они написаны от лица американца, путешествующего по Европе в XXVI столетии и рассуждающего о прошлом и настоящем европейских стран.

Как отмечал исследовавший творчество Кюхельбекера Ю.Н.Тынянов, обращение к Америке не было случайным, оно воплощало представления о будущем России. «У Кюхельбекера, — писал Ю.Тынянов, — будущего декабриста, в высокой степени было развито чувство великого исторического будущего, ожидавшего его родину, и твердая вера в “усовершенствование человека”. Его “Америка” — это будущая Россия декабриста; он связывает с ней молодость и значение своей страны, в сравнении с которой Европа обветшала»⁸⁰.

Утопические произведения начала XIX века свидетельствуют о том, что литературная утопия в России была содержательной и оригинальной, она отражала передовые социальные идеалы эпохи.

Роман «4338» В.Ф.Одоевского — своеобразная энциклопедия русской художественной утопии⁸¹. Он носит просветительский характер и пропагандирует идею широкого распространения науки и техники в будущем обществе. Здесь люди XLIV века освоили Луну, управляют электрическими аэростатами, выращивают растения, пользуясь искусственным светом. Социум лишен лицемерия и преисполнен высоких нравственных чувств. Небольшую дисгармонию вносят пришельцы из других стран, желающие обратит науку и искусство в ремесленный труд с чисто практической целью: «Всякому хочется захватить монополию»⁸². Название романа возникло, очевидно, по аналогии с утопическим романом А.Ф.Вельтмана «3448 год», вышедшим в 1833 году.

В.Ф.Одоевскому не удалось отрешиться от предрассудков эпохи. В его утопии Россия остается империей со сложной социальной иерархией, многочисленным чиновничеством, министрами, во главе которых стоит «министр примирений», чья обязанность

⁸⁰ Тынянов Ю. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 298.

⁸¹ Ковтун Н.В. Роман В.Ф.Одоевского «4338 год» и традиции интеллектуальной утопии в России // Известия ТПУ. 2004. Т. 207. № 5. С. 179—184.

⁸² Одоевский В.Ф. Последний квартет Бетховена / Сост., вступ. статья и примечания В.Л.Муравьева. М., 1982. С. 293—294.

состоит в том, чтобы разрешать всевозможные конфликты. В силу этой своей ограниченности, как пишет П.Сакулин, В.Ф.Одоевский не слишком далеко ушел за пределы николаевского государства. Его идеальная Россия сохраняет в полной неприкосновенности классовый принцип, бюрократическую организацию и монархизм⁸³.

Во второй половине XIX века в русской литературе появился целый ряд замечательных по своему социально-философскому содержанию и эстетическому уровню произведений, включающих в себя утопические мотивы и реализующих художественные принципы утопии. И здесь следует в первую очередь назвать роман Н.Г.Чернышевского «Что делать?», четвертый сон Веры Павловны. Для утопии Н.Г.Чернышевского характерны вера в прогресс, в возможность приближения грядущего и в его предвидение. Все это и делает небольшой отрывок из романа Н.Г.Чернышевского знаменательным документом русской утопической литературы.

«Что делать?» — наиболее последовательная из книг, связанных с идеями утопического социализма. Роман предлагает продуманную «революционную программу»⁸⁴, одной из составляющих которой становится теория разумного эгоизма.

Очень сложным, зачастую в трагических противоречиях, предстает будущее в художественном мире Ф.М.Достоевского. Писателя всегда волновала идея «золотого века» человечества. Ф.М.Достоевский мучался вопросом: возможно ли обращение человека к той полной идиллии, красоте и естественности жизни, которые связаны с образом «золотого века», либо его ожидает катастрофа — если не прямое физическое уничтожение, то падение всех моральных и культурных ценностей.

Мотив «золотого века» прослеживается в произведениях Ф.М.Достоевского «Подросток» и «Сон смешного человека». Если их сравнивать, то станет совершенно очевидным, что данный мотив предстает в них по-разному, один раз как «высшее

⁸³ См.: Сакулин П. Русская Икарія // Современник. 1912. № 12. С. 206.

⁸⁴ См.: Скафтымов А. Художественные произведения Чернышевского, написанные в Петропавловской крепости // Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 275.

заблуждение человечества», оттеняющее его теперешнюю трагедию, а второй — как некий гуманистический идеал, который в принципе может быть осуществлен. Ф.М. Достоевский говорит: «главное — люби других, как себя, вот что главное...»⁸⁵.

Дальнейшая эволюция русской литературной утопии в России относится к концу XIX — началу XX веков. Поражение первой русской революции усугубило пессимистические настроения в общественном сознании и литературе.

Мотивы, связанные с утопией, все чаще звучат в творчестве известных русских писателей. Несколько утопических произведений написал Валерий Брюсов. Среди них — «Земля», «Республика Южного Креста», «Семь земных соблазнов». Здесь читатель сталкивается с впечатляющими описаниями научно-технического прогресса — высотными домами, машинами, дирижаблями, электрическим и даже «радиоактивным» освещением⁸⁶.

Революция 1917 года породила потребность в социальном прогнозировании будущего. Поэтому многие литераторы стали обращаться к жанру утопии. В 1920 году был опубликован роман Евгения Замятина «Мы», положивший начало развитию антиутопии в мировой литературе XX века.

Антиутопия как зеркальное отражение утопии представляет собой пародию на утопические художественные произведения. Она, подобно сатире, может воплощаться в самых различных жанрах: романе, поэме, пьесе, рассказе. «Антиутопический роман — это нашедший себе литературное выражение отклик человеческого существа на давление “нового порядка”»⁸⁷.

Антиутописты в противовес утопистам призывают читателя разобраться, как расплавляется простой обыватель за всеобщее счастье. Антиутопия неизменно оспаривает миф, созданный утопией без должной оглядки на реальность. Российский критик, литературовед А.Зверев подчеркивает: «Для классической утопии элемент социальной мифологии обязателен; он может быть выражен с большей или меньшей отчетливостью, однако присутствует

⁸⁵ Достоевский Ф.М. Сон смешного человека // Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1983. Т. XXV. С. 118—119.

⁸⁶ Шестаков В.П. Эсхатология и утопия. С. 57.

⁸⁷ Гальцева Р., Розанская И. Поиски человека // Новый мир. 1988. № 12. С. 53.

всегда»⁸⁸. Расцвет жанра антиутопии пришелся на XX век, когда на волне революций, мировых войн и прочих исторических изломов утопические идеи начали воплощаться в жизнь. Первой страной «реализованной» утопии стала большевистская Россия, и потому антиутопия особенно свойственна русской литературе. Отечественная антиутопия ярко воплотилась в романах «Мы» (1924) Е.Замятина, «Ленинград» (1920) М.Козырева, «Чевенгур» (1926—1929) и «Котлован» (1929—1930) А.Платонова. Единое Государство, описанное в романе «Мы» Е.Замятина, еще не было построено и лишь намечалось в коммунаских проектах. Единое Государство дает людям работу и квартиру, уверенность в завтрашнем дне. Искусство находится под полным контролем государства: создается государственная музыка, выпускаются стихи государственных поэтов. Обучение детей основывается на азах государственной идеологии и истории. Замятин увидел главную опасность Единого Государства: абсолютное подавление личности, всепроникающую слежку, прозрачные (у Замятина — в буквальном смысле) стены домов, всеобщее поклонение Благотелю-государю, и, в конце концов, фантастическую операцию по разделению души и тела у каждого из граждан — «нумеров». Развитие конфликта антиутопических произведений связано с восстанием героя против власти. Своеобразие и странность героев антиутопий выражается в творческом порыве, стремлении овладеть творческим даром, не подвластным тотальному контролю. Острота конфликта зависит от степени сопротивления героя.

В середине XX века на протяжении 30 лет русская антиутопия в чистом виде в литературе почти не проявлялась, либо уходя в тень научной фантастики, либо растворившись в великой советской утопии социалистического реализма, утрачивая при этом собственную жанровую материю. Новая фаза в оживлении русской антиутопии наблюдается в 60-е годы XX века.

Антиутопия оказалась в опасной близости к реальной действительности по родовому признаку злободневности своей темы, и любое социальное движение в реальной действительности уже побуждало к переоценке произведений подобного рода, либо к тому, чтобы скорректировать эстетику романа на опережение, что

⁸⁸ Зверев А. Крушение утопии // Иностранная литература. 1988. № 11. С. 40.

также является основным признаком жанра. Но скоростное течение XX века предопределило изменения классического хронотопа антиутопии: чем ближе к концу века, тем меньший разрыв наблюдается между временем художественным и временем реальным, суживаются пространственные площадки, что очень четко демонстрирует русская антиутопия конца 80-х — начала 90-х годов. Так, если в романе Е.Замятина «Мы» изображается отдаленное почти на тысячу лет будущее и подразумевается огромное вселенское пространство, то, например, в повестях А.Кабакова «Невозвращенец» (1988), Вяч.Рыбакова «Не успеть» (1988), Л.Петрушевской «Новые Робинзоны» (1989) пространство ограничено до пределов бытового или служебного обитания, а время действия почти соответствует реальному⁸⁹.

В конце XX века антиутопия обращается не только к социальным утопиям человечества, но и к проблеме нравственного разрушения. Литературная традиция антиутопии XX века, заданная Е.Замятиным в романе «Мы», А.Платоновым в «Чевенгуре», В.Набоковым в «Приглашении на казнь», в конце столетия значительно корректируется. Писатели этого периода выявляют новое тотальное антиутопическое сознание, ставшее знаком современности. А.Генис полагает, что современные писатели, «балансируя на краю пропасти в будущее, обживают узкое культурное пространство самого обрыва»⁹⁰.

Особенность современных антиутопий состоит в «узнавании» реальности, сочетании гиперболизированных деталей нашей действительности с фантастическим сдвигом этой самой действительности, писатели лишь усиливают, а зачастую лишь фиксируют то, что уже существует в реальности. В.Чаликова отмечает: «Антиутопическое отрицание незаметно превращается в норму отношения к действительности... В 80-е годы возникла своего рода интеллектуальная сверхутопия: проект удаления утопического измерения из сознания человека, из культуры»⁹¹.

⁸⁹ Воробьева А.Н. Русская антиутопия XX века в ближних и дальних контекстах. Самара, 2006. С. 20.

⁹⁰ Генис А. Иван Петрович умер. М., 1999. С. 112.

⁹¹ Чаликова В. Утопия и свобода. С. 89.

Таким образом, утопии каждой эпохи, устремленные в будущее или ищущие идеал в далеком прошлом, являются отражением времени и места, в котором возникли, так как утопии — это ответы не только на вечные вопросы о человеке, но и на вопросы конкретных человеческих обществ.

От античности до современности утопии появляются в обществе, переживающем кризис, сомнения и неуверенность. В каждом отрезке исторического времени у человечества появляется новый соблазн верой и мечтой о лучшем будущем. Следовательно, утопия продолжается, а вслед за ней и антиутопия, разоблачающая мечту о светлом будущем.

Глава 2

ПРОБЛЕМЫ БУДУЩЕГО КУЛЬТУРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ РУССКИХ УТОПИСТОВ XIX—XX ВЕКОВ

2.1. Проблема личности в русской литературной утопии

Понятие личности является не только философским понятием, но и собственно философским аспектом его содержания. Существенным моментом данного аспекта является своеобразная и ревностно оберегаемая ею дистантность по отношению к обществу, истории, культуре. По словам В.И.Полищука, личность есть ее производство и произведение, т.е. «я»¹.

В монографии ставится проблема личности, которая обуславливается тем, что человек утопического мира превращается в средство реализации идеальной цели. Утописты, желая всеобщего блага для человечества, не берут в расчет отдельного человека, обезличивая и смешивая его с толпой. Опасность утопизма, по мнению Е.Л.Чертковой, состоит в том, что все действительное и реальное, включая самого человека, ради которого так старается утопист, превращается в средство для реализации идеальной цели². Приговором утопии, ставшей идеологией и практикой жизни, звучат слова Ю.Н.Давыдова: «В пределе это есть убийство, уничтожение, превращение в ничто всего, что используется при этом в качестве “материала”»³.

Тоталитарное государство обезличивает человека, ставя его в жесткие рамки предписаний, неукоснительное выполнение которых влечет за собой торжество ничем не ограниченного беззакония, поскольку законным может быть признан любой поступок. Личность с ее убеждениями, представлениями о долге, чести,

¹ Полищук В.И. Творчество в культуре // Северный регион: наука, образование, культура. Научный и культурно-просветительский журнал. Сургут, 2005. № 1 (11). С. 8.

² См.: Черткова Е.Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала. С. 167.

³ Давыдов Ю.Н. XX век: движение без будущего // Диалог. 1992. № 1. С. 94.

справедливости как основах собственного поведения, по мнению В.И.Полищука, становится при этом излишней⁴.

Кризис, переживаемый русской религиозно-философской мыслью XIX столетия, неизбежно вел к тому, что проблема личности выдвигалась на первый план как наиболее актуальная для размышлений. Причем социально-экономические обстоятельства второй половины века сошлись таким образом, что не только гуманитарные, но и другие области знания вынуждены были обратиться к этой проблеме. Кризис — переход от одного состояния к другому, смена ориентиров в различных областях человеческой деятельности, как в практической жизни, так и в сфере духа, — прежде всего меняет взгляд на саму личность, на ее природу, на ее сущность, чтобы затем уже в новом свете осознать место ее в мире и в обществе ей подобных личностей⁵.

Русской художественной литературе отечественные и европейские философские искания всегда были не просто близки, и она служила не только лишь их образным отражением. Равняться с философской высотой художественных образов таких писателей, как, например, Толстой или Достоевский, было честью для теоретической мысли⁶. В их творчестве вопрос о личности, о ее противоречивой внутренней сущности, смысле и целях ее духовной и практической жизни предвосхищал размышления на эту тему в отечественной философии. В своих творениях они пытались найти истоки великой тайны человеческого бытия, поэтому в описании некоего современного события у них просчитывалась целостная картина мировой истории, а в современнике — человек, вечно стоящий на распутье добра и зла, жизни и смерти, свободы и жажды воздаяния.

Авторы утопических произведений различных эпох тоже описывали представления о структуре будущего жизнеустройства с использованием некоторых общих черт, сложившихся тысячелетиями стереотипов мышления, таких как свобода, равенство,

⁴ Полищук В.И. Об одной «антикультурной» традиции в истории культуры // Проблемы духовности в истории культуры и образования: Сборник научных статей. Нижневартговск, 2000. С. 4.

⁵ См.: Буянова Е.Г. Романы Ф.М.Достоевского. М., 1997. С. 92.

⁶ Там же. С. 93.

справедливость. Конечно, в разные времена смысл, который вкладывался в эти понятия, мог весьма различаться. Но общий мотив человеческих устремлений оставался почти неизменным. Человек всегда стремится к равенству, правовому и материальному: в обществе будущего, по мнению утопистов, не должно быть ни бедных, ни богатых, все члены общества — личности, обладающие равной свободой⁷.

Утопическое мышление особенно характерно для писателей революционного склада. Для авторов утопических произведений объектом художественного исследования становится человеческая душа, непредсказуемая, неповторимая. Центральной идеей утопии стала идея всеобщего равенства. Именно равные права и равные обязанности сограждан делают каждого из них счастливым. Однако если авторы этих книг искренне верили, что рано или поздно утопический идеал станет реальностью, других мыслителей терзали глубокие сомнения по поводу того, насколько совместима идея всеобщего равенства с непредсказуемостью человеческой природы, неповторимостью каждой человеческой личности. В романе «Преступление и наказание» Ф.М.Достоевский предупреждал: «Живая душа жизни потребует, живая душа не послушается механики, живая душа подозрительна, живая душа ретроградна!»⁸ Утопия объектом своего изображения ставит общественное устройство, а не отдельную личность. В эпилоге «Преступления и наказания» изображены эгоистичные, властолюбивые люди, присвоившие себе «равное право» убивать, жечь, грабить, ведущие мир к катастрофе. Ф.М.Достоевский как глубокий знаток человеческой души прекрасно понимал несовершенство социальной системы и не верил, что новый государственный режим тотчас устроит все человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным.

Не менее сложным предстает будущее в художественном мире Ф.М.Достоевского. Писателя волновала идея «золотого века» человечества. Мысль о «золотом веке» звучит уже в романе «Преступление и наказание», что отразилось в словах Н.И.Пруцкова:

⁷ См. об этом: Моисеев Н.Н. Как далеко до завтрашнего дня... свободные размышления. 1917—1993. М., 1997. С. 239.

⁸ Достоевский М.Ф. Преступление и наказание: Роман. М., 1983. С. 127.

«В грезах Раскольникова счастливое человечество явилось в век Авраама и стад его»⁹.

Упоминание имени Ф.М.Достоевского, писателя XIX века, рядом с именами писателей, авторов антиутопий XX века, не случайно. Многие исследователи считают именно его родоначальником данного жанра литературы будущего, а одной из первых антиутопий называют «Поэму о Великом Инквизиторе» из романа «Братья Карамазовы». И здесь есть рациональное зерно.

«Поэму» эту сочиняет вечно сомневающийся Иван Карамазов и рассказывает ее своему брату Алеше, дабы проверить силу и правильность мысли о счастье, достойном человека. Действие этой истории происходит в Испании, в Севилье, «в самое страшное время инквизиции», то есть в кульминационный момент еретического движения, когда за один вечер зажигали больше сотни костров. На землю приходит Он, не желая быть узанным, подержать молящихся. Но Его узнают, Ему преклоняются и... Его арестовывают. Так происходит встреча человека, творящего чудеса на площади (прикосновением руки излечивает слепого, оживляет девочку, заставляя подняться ее из гроба), и Великого Инквизитора, приказавшего его арестовать. И вот земному владыке предоставляется возможность раз в жизни окончательно и бесповоротно утвердить свое право на владение человеческими жизнями и душами, на заслуженную долгими и тяжкими мучениями волю страдать за других, решать за других, тем самым покоряя их лучше, чем мог бы это сделать сам Иисус. Кардиналу теперь важно только одно: чтобы право это признали за ним, а Он удалился раз и навсегда из человеческой жизни, не мешая им, земным людям, творить свое «добро» по своему усмотрению. Пленник за весь долгий «разговор» не произнес ни слова, а в конце, «отпущенный» первосвященником на волю, целует того в губы.

Великий Инквизитор из романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» провозгласил парадоксальную мысль: «ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества

⁹ См.: Пруцков Н.И. Достоевский и христианский социализм // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1974. Т. I. С. 74.

невыносимее свободы»¹⁰. Казалось бы, никакая другая мысль не могла быть воспринята в такой степени ложной в самом своем основании именно в то время, когда она была сказана. Против нее словно восставала вся эпоха, пронизанная духом свободы личности, идеей свободного самоуправления. Но эта же эпоха должна была увидеть и всю ее правоту¹¹.

Вековая мечта человека о «земном рае» легла в основание логических построений Великого инквизитора. Общественный идеал — вот суть его правды. Удивительным соответствием образу Великого инквизитора отозвались слова историка и правоведа начала XX века П.И.Новгородцева: «...Каждый общественный идеал, скрыто или открыто опирающийся на идею земного рая, в сущности воспроизводит идею средневековой теократии о спасении людей через общество верных, силою своей веры или своих заслуг удостоившихся высшей благодати..., вся задача сводится к тому, чтобы найти форму устройства, при которой человек чувствовал бы себя в полной гармонии с общественной средой, в безусловном и благодатном слиянии с ней»¹².

Так же вековечна и прочна мысль о человечестве как мысль о достижении общественного идеала, мысль другая, прямо противоположная первой, — мысль о личном идеале. Этот личный идеал всякий раз неминуемо перечеркивает самую разумную и логически безупречную схему общественной гармонии. Для Ф.М.Достоевского это главнейшая тема его размышлений о сущности человеческой природы, свободе личности, ее свободном нравственном самоопределении и, в конечном счете, смысле ее жизни. О личном идеале, противостоящем общественному, у него говорит и мрачный подпольный человек: «Свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия..., — вот это-то и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно

¹⁰ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Наброски автобиографического и публицистического характера. М., 1999. С. 227.

¹¹ См.: Буянова Е.Г. Романы Ф.М.Достоевского. С. 82.

¹² Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 421—422.

разлетаются к черту»¹³. О том же кричит добрый и честный Разумихин: «С одной логикой нельзя через натуру перескочить! Логика предугадает три случая, а их миллион! Отрезать весь миллион и все на один вопрос о комфорте свести!»¹⁴

Личный идеал, по Ф.М.Достоевскому, основывается исключительно на свободном хотении без доказательства самому себе «пользы» или «выгоды» такого хотения, любое рассуждение о пользе мгновенно уничтожает личное начало, дает «хлебы» в обмен на свободу¹⁵.

Россия 30-х — начала 40-х годов XIX века переживает период социально-политической стагнации: «внутренний террор почти полностью ликвидировал в стране политическое оппозиционное движение, и Россия затихла в ожидании будущих перемен»¹⁶. Утопия в этом контексте становится одним из немногих способов опровержения тирании настоящего, формой борьбы с идеологией современности¹⁷. В это время был создан роман «4338 год» В.Ф.Одоевского, в котором превыше всего ценится духовная свобода личности. Автор верит в совершенство природы человека и его неограниченные возможности. Согласно концепции В.Ф.Одоевского, человек изначально возвышался над природой, но затем увлекся своей свободой, что привело к его «падению» и одновременно к деградации природы.

Роман манифестирует ценности нравственного самосовершенствования личности, гармонического единства просвещенной власти и народа под руководством идеального монарха.

Героем-повествователем в романах-утопиях становится, как правило, не житель абсолютно прекрасной страны, а странник, путешественник, наблюдающий за этой идеальной жизнью со стороны. Сами же обитатели этих удивительных стран, как правило, на редкость одинаковы и начисто лишены индивидуальности.

¹³ Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Полное собрание сочинений: В 30 т. С. 113.

¹⁴ Достоевский М.Ф. Преступление и наказание: Роман. С. 127.

¹⁵ См.: Буянова Е.Г. Романы Ф.М.Достоевского. С. 90.

¹⁶ Егоров Б.Ф. Об особенностях русских социальных утопий 1840-х годов // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 257.

¹⁷ Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века. С. 58.

Писатели-утописты вывели в своих книгах в качестве идеала сообщество одинаковых людей.

Но люди в процессе естественного исторического развития не могут стать как две капли воды похожими друг на друга, если сама природа сделала их разными. Ярким примером этого может служить произведение М.Е.Салтыкова-Щедрина «История одного города», на страницах которого появился зловеющий образ Угрюм-Бурчеева, насаждающего «прогресс», не считаясь ни с какими естественными законами.

Точкой отсчета для писателя стала проблема путей и методов осуществления «рая на земле». Воплощение «системного бреда», который составил в своей голове Угрюм-Бурчеев, требует немедленного искоренения любых проявлений естественной жизни. Герой Салтыкова-Щедрина заменяет всеобщее равенство насильственной уравниловкой, выпрямляет чудовищными методами не только все неправильности ландшафта, но и «неровности» человеческой души. «Таинственные тени гуськом шли одна за другой, застегнутые, выстриженные, однообразным шагом, в однообразных одеждах, все шли, все шли... Все они были снабжены одинаковыми физиономиями, все одинаково молчали и все одинаково куда-то исчезали»¹⁸.

Символическим выражением административных устремлений Салтыкова-Щедрина становятся пустыня, острог и серая солдатская шинель, нависшая над миром вместо неба, т.к. по мере реализации утопия превращается в свою противоположность.

К каждому взводу граждан у Салтыкова-Щедрина приставлен командир и шпион. Город должен превратиться в казарму, в которой у людей «нет ни страстей, ни увлечений, ни привязанностей. Все живут каждую минуту вместе, и всякий чувствует себя одиноким»¹⁹. Нельзя не сочувствовать народу, т.к. в нем заключается начало и конец всякой индивидуальной деятельности. Основное зло — сами глуповцы, терпящие бесчинства и тем самым порождающие все новые модификации власти. Опыт города Глупова в своей сути поистине универсален: как свидетельство о беспредельных возможностях деспотических форм государственного

¹⁸ Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. М., 1972. С. 152.

¹⁹ Там же. С. 156.

устройства — в смысле подавления всяческой жизни; о беспредельности «самовыдвижения» и «самоутверждения» больших и малых тиранов; о беспредельности деградации народов, попавших под их власть. Так возникают в литературе антиутопические тенденции, отражающие тревогу писателей-гуманистов по поводу опасных последствий, связанных с построением общества будущего.

Ирреально изобразив трагикомичную жизнь глуповцев, их несостоятельность как личностей, их безотчетный страх перед начальством, Салтыков-Щедрин выразил свое резкое неприятие апатичного, бездейственного, рабски покорного народа.

Одной из работ начала XX века, относящейся к жанру социалистической утопии и посвященной обезличиванию человека в технократическом государстве, является роман А.Богданова «Красная Звезда», где автор изобразил основанное на коммунистических началах общество будущего, которое герой, профессиональный революционер, находит на Марсе. В результате социального переворота власть оказалась в руках политической партии, которая стала осуществлять коммунистические принципы жизни. В то время, когда герой попадает на Марс, коммунистическое общество уже окончательно сформировалось.

В марсианском обществе личность совершенно отсутствует, она растворяется полностью, без остатка, в общественном целом. «Человек — личность, но дело его безлично»²⁰, — гласит один из принципов марсианского общества. Марсиане устанавливают памятники не отдельным личностям, а только в честь выдающихся событий. «В досоциалистические времена марсиане ставили памятники своим великим людям; теперь они ставят памятники только великим событиям, таким как первая попытка достигнуть Земли, закончившаяся гибелью исследователей, таким как открытие разложения и синтеза всех химических элементов»²¹.

Что же касается того, кто совершил это путешествие, то это не имеет никакого значения, поскольку все человеческие поступки безличны.

Начало XX века, и особенно Октябрьская революция, породили в сознании людей новые утопические иллюзии. Многим, жившим

²⁰ Богданов А. Красная Звезда // Русская литературная утопия. М., 1986. С. 248.

²¹ Там же. С. 249.

в ту прекрасную и трагическую эпоху, казалось, что революция мгновенно домчит человечество в «социалистический рай». Вот почему столь ощутимы элементы утопии в советской литературе первых послеоктябрьских лет. Но более пронизательным художникам уже в те годы открылся бесчеловечный смысл реализации великой мечты, чудовищность попыток «железной рукой загнать человечество к счастью». События последующих десятилетий, увы, подтвердили правильность их прогнозов. Человек XX века, ощутив свою незначительность в огневых валах Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, настолько перепуган и внутренне опустошен, что знает только выбор между ничего не дающим губительным одиночеством и мощью коллектива. Перестав ощущать себя хозяином не только истории, а даже собственной судьбы, он ждет спасителя. Только безоговорочная идентификация с властью, по мнению М.Ю.Любимовой, может поднять человека из состояния подавленности, затерянности²².

В XX веке, в эпоху жестоких экспериментов по реализации социальных проектов, утопия окончательно оформляется как самостоятельный жанр. В антиутопии фантастический мир будущего предстает как глубоко трагический. Мироустройство, воссозданное в антиутопиях, опирается на идею Великого Инквизитора из романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы», который утверждал, что человек не может быть счастливым, не отказавшись от свободы. Антиутопия делает акцент не столько на устройстве общества, сколько на человеке, который в этом обществе живет. Не случайно во многих произведениях этого жанра герой-повествователь — не сторонний наблюдатель, а гражданин этой самой «идеальной» страны. В этом человеке и пробуждаются в определенный момент естественные человеческие чувства, не совместимые с породившей его социальной системой. Так возникает конфликт между человеческой личностью и бесчеловечным общественным укладом, конфликт, резко противопоставляющий антиутопию бесконфликтной, описательной утопии. В произведениях антиутопистов говорится о том, к каким чудовищным последствиям может привести технический и социальный прогресс, лишенный нравственной основы.

²² См.: Любимова М.Ю. Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публицистика. СПб., 2002. С. 55.

Это находит отражение в повести «Котлован» и романе «Чевенгур» А.Платонова, где выражено стремление найти гармонию отношений человека с обществом и цивилизации с мирозданием.

«Организованное общество, — пишет Н.Г.Полтавцева, — и до предела рациональный и стандартизованный человек — таково воплощение эстетического идеала Платонова. Его человек — это абстрактный родовой человек, властелин природы, покоритель враждебных стихий»²³. Герои А.Платонова несчастны, и их грандиозные проекты выглядят как месть миру, месть природе.

Проблема личности и тоталитарного государства — одна из основных тем произведений А.Платонова. Как писатель-гуманист, выступающий за свободу развития и проявления способностей человека как личности, он выступал против подавления человека тоталитарным государством, объединяющим отдельные личности в безликую массу говорящих на одном «обезьяньем языке».

М.Горький в связи с романом «Чевенгур» писал о «лирико-сатирическом освещении действительности, иронической (несмотря на нежное отношение к людям) окраске персонажей»²⁴. Человеческое сознание, как показывает А.Платонов, всегда содержит в себе тенденцию к утопическому мировосприятию, стремится «обрубить» бесконечно многообразные связи и некий фрагмент реальности выдать за всю реальность в целом. По Платонову, сознание больше соответствует идее вечности, т.е. отсутствию времени, остановке истории. Так, Александр Дванов верил, что революция — это конец света; Чепурный не вытерпел тайны времени и прекратил долготу истории срочным устройством коммунизма в Чевенгуре так же, как рыбак Дванов не вытерпел своей жизни и превратил ее в смерть, чтобы заранее испытать красоту того света. В повести «Котлован» Воцев, глядя на звездное собрание в мертвую массовую муть Млечного Пути, ожидает, когда же там будет вынесена резолюция о прекращении вечности времени, об искуплении томительной жизни.

Межличностные отношения противостоят у А.Платонова какому-либо абстрагированию, рационализации. Процесс самосознания

²³ Полтавцева Н.Г. Критика мифологического сознания в творчестве А.Платонова. Ростов н/Д, 1977. С. 5.

²⁴ Цит. по: Литературное наследство. М., 1963. Т. 70. С. 313.

личности у героев Платонова весьма затруднен, подчас мучителен. Дело не только в неразвитости интеллекта: чтобы осознать себя, необходимо «выйти из себя», представить себя как «человека вообще» — без «лица», без живой индивидуальности. Не будучи в состоянии адекватно «структурировать» мир, человек у А.Платонова не может рационально познать собственную личность. Поэтому личность как таковая и ее внешние проявления связаны не прямо: необходим комментарий повествователя, который становится посредником между «собственно человеком» и его «оболочкой».

Чевенгур — конечный пункт пути всех скитальцев А.Платонова, героический и трагический взлет энергии русского правдоискательства. Тема конца истории со всем ее наследием — государственно-правовым, художественно-философским, семейно-бытовым — превращает «Чевенгур» в своеобразную поэму о сектантском, анархическом, наивном правдоискательстве и его жестоких последствиях, по существу, в антиутопию²⁵. Все правдоискательство создано из глубочайших противоречий: в своем отрицании прошлого, в поисках такой новизны, в которой не должно быть старого, патриархальная масса отвергает труд, нарушает органическую жизнь, истребляет вокруг себя все живое. Доверчивая масса попадает в руки слепого вождя Чепурного и ловкого инквизитора Прокофия Дванова, умеющего убеждать эту толпу ясными, литыми, упрощенными формулами, льстящими ее самолюбию.

А.Платонов, воссоздавая историю коммуны в романе «Чевенгур», показывает общество, воздвигаемое в историческом одиночестве руками самых обездоленных пролетариев. «Люди были подобны, — пишет Платонов, — черным ветхим костям из рассыпчатого скелета чьей-то огромной погибшей жизни»²⁶. Люди потеряли национальное лицо, лишены истории, традиций, и, следовательно, культуры и отечества.

Перерождения человека не получилось: люди остались прежними, так и не уяснившими сущность революции. «Рабская

²⁵ См.: Платонов А. Чевенгур / Вступ. статья и комментарии В.Чалмаева. М., 1989. С. 15.

²⁶ Цит. по: Замятин Е., Толстой А.Н., Платонов А., Набоков В. / Сост. Г.Г.Красухин. М., 2000. С. 61.

психология” новых “свободных” хозяев жизни привела просто к переделу собственности, а “новый мир” стал “налаживаться”, — полагает О.А.Павлова, — по образцу “старого”»²⁷.

Немаловажное значение в раскрытии проблемы личности играет роман «Мы» Е.И.Замятина. Когда Е.И.Замятин писал свой роман, чтобы в художественной форме изучить и разоблачить губительность тоталитарной системы для личности человека и мира в целом, судьба подарила ему возможность своими глазами наблюдать зарождение в крови и хаосе Единого Государства мнимости мира, претендующего на то, чтобы осчастливить человека, но чтобы сам человек в нем исчез. Сам по себе технический прогресс в отрыве от нравственного, духовного развития не только не способствует улучшению человеческой породы, но грозит вытеснить человеческое в человеке²⁸.

Роман вырос из отрицания Е.И.Замятым глобального мещанства, застоя, косности, приобретающих тоталитарный характер в условиях технократического общества. Характерен в этом смысле упрек, брошенный Е.И.Замятину, его творчеству И.Машбиц-Веровым: «Восставая против “островитян”, “уездного”, косности мещанства вообще, Замятин восстает лишь против одной, наиболее заметной и наиболее ненавистой самому автору части буржуазного быта. Именно: Замятин восстает лишь против механической размерности жизни, против штампа, когда люди, как муравьи, одинаковы»²⁹. Это и составляет сущность и пафос романа «Мы», являющегося памяткой о возможных последствиях бездумного технического прогресса, превращающего в итоге людей в пронумерованных муравьев. Это предупреждение о том, куда может привести наука, оторвавшаяся от нравственного и духовного начала в условиях всемирного «сверхгосударства» и торжества технократов.

Рукотворный мир Е.Замятина, как отмечает Е.Б.Скорospelова, заселен новой расой — геометрическими телами и автоматами³⁰.

²⁷ Павлова О.А. Русская литературная утопия 1900—1920-х годов в контексте отечественной культуры. Волгоград, 2005. С. 509.

²⁸ Замятин Е. Избранные произведения / Вступ. статья О.Н.Михайловой. М., 1989. С. 13.

²⁹ Машбиц-Веров И. Евгений Замятин // На литературном посту. 1927. № 17—18. С. 58.

³⁰ Скорospelова Е.Б. Замятин и его роман «Мы». 2-е изд. М., 2002. С. 29.

Используя характерные для кубизма геометрические, машинные фигуры, Замятин пародирует А.Гастева, у которого на заводах и фабриках происходит не только «машинизирование жестов, рабоче-производственных методов, но и машинизирование обыденно-бытового мышления пролетариата»³¹.

Государство и личность становятся единым организмом. Демонстрируя читателю искусственность, неодушевленность, обезчеловеченность «нового мира», Замятин тут же переворачивает смысловую перспективу и обнаруживает мнимость мнимости — то, что представляется завершенным, совершенным выражением идеи поглощения человека Машиной, абсолютным обезчеловечиванием мира, оказывается фикцией: машинное оборачивается человеческим. «Подлинный философский сюжет романа, — по словам В.Чаликовой, — состоит в демонстрации амбивалентности каждой идеи Единого Государства. Иллюзорны прямые линии его архитектуры — за ними угадывается сплетение кривых; иллюзорной становится формула однородности его граждан $x = y$, когда обнаруживается, что в “Д” живут его двойники, вытесняя и терзая друг друга»³².

В произведении Е.Замятина нашла прямое отражение и приобрела особую остроту ситуация всеобщего социально-политического кризиса, предопределившая самораспад тоталитарного режима в конце XX века.

В принципах функционирования Единого Государства узнаваемы реалии «военного коммунизма», превращавшие человека в «винтик» огромного механизма управления и подавления личности. Человек, желательно добровольно, отказывается от всех своих прав, передает свою свободу в распоряжение вождя в обмен на гарантированные «хлеб и зрелища». Счастье для него — чувствовать свою мощь, когда он идет в сомкнутом строю, свою причастность к Силе; горе для него — чувствовать свое одиночество, свою незначительность перед лицом этой Силы, если он от нее отторгнут.

³¹ Цит. по: Гастев А. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9—10. С. 43.

³² Чаликова В. Крик еретика (Антиутопия Евг.Замятина) // Вопросы философии. 1991. № 1. С. 21.

Парадокс любого Государства, основанного на утопической идее, заключается в стремлении замкнуться в себе, изолироваться от окружающего мира, отгородиться, чтобы ничто не подвластное Великой Идее не проникло снаружи, не заставило «избранных» (передовой класс, великую нацию) усомниться, познать самые страшные муки — муки выбора, на которые имеет право лишь один — тот, кто «равнее других», всеобщий Вождь, Благодетель и Отец. Для этого создается образ врага (мировой капитализм, еврейский заговор, революционная организация Мефи и т.п.). Он необходим Великой Идее, чтобы все свои недостатки, все зло списывать на него и тем самым продолжать быть «безупречной».

Стремление к экспансии, к захвату все большего и большего пространства, в идеале — всего мира, дабы не осталось больше на земле «неизбранных» и не было предпосылок для сомнения, приводит к лозунгу: «Враг должен быть уничтожен!». Для этого в романе строится «Интеграл», затевается вторая мировая война, изобретается смертоносное оружие.

«Машина, — писал Н.Бердяев, — не только в чем-то освобождает, но и по-новому порабощает. Эта новая страшная сила разлагает природные формы человека. Она подвергает человека процессу расчленения, разделения, в силу которого человек как бы перестает быть природным существом, каким он был ранее»³³.

Отучая человека самостоятельно мыслить, приучая его паразитировать «на всем готовеньком» (готовых мыслях, чувствах, материальных и духовных благах), его лишают самого главного — желания искать и развиваться, ибо что же тогда есть Рай Земной, как не достижение всего желаемого, а значит — отсутствие необходимости развития. Но человеческой природе необходимо духовное развитие, так как отсутствие движения вперед приводит к деградации личности.

Символично само название романа — «Мы». «Мы» воспринимается не как «я» и «другие», а как безликая масса, толпа, торжество серости, стадности. Название романа отражает двойственность принципов современной автору эпохи жесткой диктатуры, «военного коммунизма», позднее — коллективизации: формирование массовой культуры, сменяющей элитарную; принцип

³³ Бердяев Н. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 182.

равенства, подменяемый уравниловкой; героизация общенародных подвигов и трудовых свершений и, одновременно, торжество безликости, безымянности, массовости.

В романе «Приглашение на казнь» В.В.Набокова воссоздается вымышленное общество, существующее по тоталитарным законам одинаковости. Время здесь не имеет никаких конкретных признаков; пространство же резко, антагонистически разделено на две сферы — там и тут, город и окружающие его Тамарины сады — и имеет ирреальные черты: многомерное, огромное, оно неизменно и мгновенно переходит в тюремную камеру, где пребывает Цинциннат в ожидании казни³⁴. Мир, изображенный в романе, прозрачен и пронцаем. Трагедия героя, в отличие от других, в его непроницаемости.

В момент приведения Цинцинната к плахе происходит качественный сдвиг в мире других в сторону изначальной прозрачности: все они становятся абсолютно прозрачными, до полной потери жизнеспособного «веса», массы, они — мертво прозрачны. И Цинциннат, узнавший, наконец, время своей казни, должен и может собрать сбежавшие от него слова и уйти из «тут» в «там». До сих пор ему в этом перемещении мешали «другие» — обитатели мира «тут». Г.Адамович пишет: «На поверхностный взгляд должно бы показаться, что основное творческое видение Набокова связано с ужасом перед будто бы неизбежным соскальзыванием человечества к уравнильным социальным формам, к насильственному “всемству”... Обезжизненная жизнь, мир, населенный “роботами”, общее уравнение индивидуальностей по среднему образцу, отсутствие невзгод и радостей, усовершенствованный “муравейник”, одним словом, Набокову, пожалуй, близка. Один из его романов — “Приглашение на казнь” — ей и посвящен»³⁵.

Художественный масштаб новой антиутопии конца XX века, конечно, не сравним с масштабами классической, но это был необходимый этап эстетического освоения сложнейшего переходного времени в новейшей истории России. Антиутопии этого времени объединяют общие черты, общий образ, выстроенный на

³⁴ Воробьева А.Н. Русская антиутопия XX века в ближних и дальних контекстах. С. 137.

³⁵ Адамович Г. Владимир Набоков // Октябрь. 1989. № 1. С. 197.

взаимодействии между художественной реальностью классической антиутопии и реальностью российской действительности рубежа 1980—90-х годов.

В романе В.Н.Войновича «Москва 2042» герой-эмигрант Виталий Карцев отправляется в Москву 2042 года, где властвуют доктрины Сим Симыча Карнавалова, с целью сделать репортаж о поездке. «Забегая вперед, скажу, что потом в Москве будущего я встречал много людей, очень похожих на встреченных в прошлом. Иногда настолько похожих, что я кидался к ним с распро-стертыми объятьями и каждый раз попадал, конечно, впросак. Как я понял впоследствии, набор внешних черт человека в природе в общем-то ограничен, только внутренняя суть личности неповторима. Впрочем, и в прошлом, и в будущем, и в настоящем я встречал много людей очень даже неповторимых», — говорит герой романа. Приход Сим Симыча к власти отменяет коммунизм, но не изменяет тоталитарную природу режима. В Москорепе зависимость материального от идеологического доведена до комического предела: степень потребностей человека определяется степенью его преданности идеологии.

Таким образом, антиутопические государства основаны на подавлении человеческой личности, вытравливании души из человека. Великие идеи с одинаковыми мерками подходят к разным людям, несмотря на индивидуальность каждого человека. Великие идеи порождают Великие разочарования. И в этот момент прекращается добровольность служения идее, а вместе с ней и энтузиазм. Призрачность Великой идеи рассеивает человек прозревший, не пожелавший быть «винтиком» в единой государственной машине.

Государственная система будущего исключает индивидуальные проявления личности. В геометрическом обществе запрещается иметь незапланированные желания, все строго регламентировано и рассчитано, чувства ликвидированы, в том числе и самое ценное, движущее жизнь, чувство любви. Любое отклонение от нормы фиксируется с помощью четко налаженной системы доносов. Незаурядность, талант, творчество — враги порядка — подвергаются уничтожению. Бунтари излечиваются путем хирургического вмешательства, всеобщее регламентированное счастье достигается всеобщим равенством.

Итак, одним из насущных вопросов духовной жизни человечества является глубокое противоречие между научно-техническими достижениями цивилизации и уровнем духовного самосознания личности, превращение человека в придаток Машины и, как следствие, тотальное подавление и даже полное нивелирование личности в технократическом обществе.

Утопия создает модель будущего, где на смену сумме инстинктов, интуиции и ощущений приходит сознание и интеллект. Человек перестает чувствовать, а следовательно, становится бездушным «винтиком» в государственной системе.

2.2. Влияние тоталитаризма на свободу и счастье в свете традиции русского утопизма

Тоталитарное государство — феномен XX века. Это эпоха катастроф мирового масштаба, подорвавших веру масс в основы государства: силу и авторитет власти, способность государства защищать интересы общества. В современной науке распространено мнение, что тоталитаризм существует только в отдельных странах³⁶. На таком основании происходит разделение мира на «демократические» и «тоталитарные» государства, отдельные страны или группы стран присваивают себе право вмешиваться во внутренние дела других, контролировать и наказывать их, что само по себе является межгосударственным тоталитаризмом³⁷.

Государство выступает основным субъектом тоталитаризма и является самой влиятельной силой. Тоталитарное государство игнорирует интересы подчиненных субъектов, применяя власть, в том числе и в незаконных формах, так как законность в таких странах не является ценностью.

Утопическое мироощущение — переживание будущего, еще не существующего, как настоящего, и «настоящего», т.е. истинного, правильного, — очевидно связано со способностью человека переживать прошлое, «уже не существующее», как действительно и действующее. Утопическая мечтательность — форма

³⁶ См.: Михеев Н.В. Тоталитаризм в мире и России // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. С. 47—50.

³⁷ Там же. С. 48.

ностальгии: великие утописты прошлых веков — Платон, Томас Мор, Уильям Моррис — не случайно были защитниками уходящих реальностей — классической античности, дореформенного христианства, доиндустриальной цивилизации. Неосвоенность мира придавала утопии в эти эпохи форму фантастического путешествия, сновидения.

Во второй половине XIX века формируется так называемая «негативная утопия», или антиутопия, которая резко отличается от утопии классической, позитивной. Если классические утопии означали собой образное представление об идеальном, желаемом будущем, то в сатирической, негативной утопии, романе-предупреждении описывается уже не идеальное будущее, а скорее будущее нежелаемое, то есть образ будущего пародируется, критикуется. Негативная утопия, отмечает В.П.Шестаков, не «устраняет» утопическую мысль, а лишь трансформирует ее, наследует от классической утопии способность к прогностике и социальному критицизму. Конечно, негативные утопии — противоречивое и неоднородное явление, но в лучших произведениях этого типа утопической литературы возникла новая идейная и эстетическая функция — предупреждать о нежелательных последствиях развития индустриального общества и его институтов³⁸.

Разложение жанра утопии способствовало оформлению в эпоху индустриализма и антагонизма социальной утопии — антиутопии. Антиутопия — это критическое повествование об обществе, построенном на основе утопических принципов; но авторы антиутопий выделяют ту опасную, с их точки зрения, тенденцию, которая, будучи распространенной на все социальное целое, приводит к авторитаризму и тоталитаризму³⁹. Социалистический тоталитаризм, отмечает В.С.Нерсисянц, означает подмену личности — «винтиком», экономических отношений — командно-властными отношениями, права — приказными (насильственными) нормами правоотрицающего закона, а государства как правовой формы организации публичной власти свободных людей — новейшей формой деспотизма⁴⁰.

³⁸ Шестаков В.П. Эсхатология и утопия. С. 37.

³⁹ Фролова И.В. Оправдание утопии: опыт социально-философской реконструкции. С. 213.

⁴⁰ См.: Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. М., 2003. С. 49.

XX век породил ситуацию, когда основные черты утопического общества стали реальностью. Разочарование в прогрессе, кризис европоцентризма, а также побочные эффекты функциональной дифференциации общества выдвинули жанр антиутопии на первый план. Критическому анализу были подвергнуты доведенные до предела тенденции индустриального общества — потребление у О.Хаксли, крайний индивидуализм у Р.Шекли, тотальный государственный контроль у Дж.Оруэлла и Е.И.Замятина и т.д.

В государстве Океания, о котором повествует Джордж Оруэлл в романе «1984», ведется неусыпное наблюдение за каждой мелочью быта подданных. Высшая цель режима — не допустить никаких отклонений от установленного канона в личной, интимной жизни.

Тоталитарное государство создает аппарат подавления личности и аппарат управления обществом. Согласно его теории вне государства личность не представляет собой индивида, способного иметь субъективные права и обязанности. Главным способом подавления личности является политика «всеобщего равенства». Уравнивая и усредняя противоречивое общество, государство формирует однородную толпу. Это своего рода абсолют, но абсолют со знаком «минус», абсолют подчинения. Функции управления таким обществом выполняют специальные организации, которые руководствуются как политическими, так и идеологическими принципами. Одним из инструментов принуждения в тоталитарном государстве является террор, который угрожает не только настоящим преступникам, но и тем, кто совершил разного рода проступки, считающиеся преступлениями против государства. Террор заставляет общество жить в атмосфере постоянного страха. Для тоталитарного государства характерно разделение на «тех, кто с нами» и «тех, кто против нас». Враг является неотъемлемой частью арсенала тоталитарного аппарата власти.

Тоталитарная идея призвана контролировать все, что составляет существование человека. Современный отечественный исследователь А.А.Зверев, размышляя о романе «1984», отмечает, что Дж.Оруэлл изображает реальность, в которой господствует сила, безличная к рядовой человеческой судьбе. Задача такого

государства состоит в том, чтобы исчезла всякая возможность несогласия, всякая человеческая индивидуальность⁴¹.

Человечество постоянно стремится к улучшению жизни на земле. Представление о лучшей жизни может формироваться двойко. С одной стороны, как пишет В.И.Полищук, путем отвержения самой жизни как иллюзии подлинного бытия человека, с другой — воображаемым освобождением от тягот, лишений, противоречий, которые мешают жить нормально. Именно таким способом создаются проекты социальных преобразований и формируются представления масс об освобождении⁴².

В ходе анализа утопических проектов становится очевидным, что немаловажную роль в понимании произведений этого жанра играет проблема свободы. Сегодня особую актуальность приобретает вопрос о свободе и счастье человека в стране, народ которой склонен к вере, к обожествлению не только идеи, но и ее носителя, не знает золотой середины и вечно жаждет свободы. Эти два полюса нашли отражение в изображении двух полярных миров — механического и природно-бытового, одинаково далеких от идеального мироустройства.

Влияние культуры сказывается на образе жизни любого члена общества, на всех сферах жизнедеятельности человека. Проанализировав установки сознания, духовные потребности, ценности граждан, можно понять, что представляет собой культура в стране. Человечество стремится к образу жизни, предполагающему высокий уровень сознания и культуры.

Человек и его потребности находятся в центре внимания культурологических исследований, поэтому освоение им культурной среды и процесс формирования и восприятия культурных ценностей занимает важное место в общественной жизни.

Писатели-утописты XIX—XX веков в своих произведениях предприняли попытку оградить идеальное общество, где каждая личность счастлива и беззаботна. Они изображают Рай на земле, который в первую очередь является структурой не религиозной,

⁴¹ См.: Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет / Пер. с англ. М., 1989. С. 19.

⁴² Полищук В.И. Франц Кафка: познание жизни и творчество бытия // Культура и традиции: Сб. научных трудов / Отв. ред. Р.А.Бурханов, В.И.Полищук. Екатеринбург; Нижневартовск, 1995. С. 56.

и даже не метафизической, а культурно-бытовой по преимуществу, иницирующей разнообразные движения в модусе «структур повседневности», участвуя в организации реальных «предприятий жизнеобеспечения» культуры.

О светлом и счастливом будущем писал Н.Г.Чернышевский в романе «Что делать?»: «Будущее — светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет света и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего. Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее все, что можете перенести»⁴³. Обращаясь к «Четвертому сну Веры Павловны», следует отметить целевое назначение «идиллических» картин. Жанр идиллии сознательно предназначен для «огромного большинства людей»⁴⁴ и имеет под собой несомненную художественно-пропагандистскую подоплеку. «Эх, Верочка, ты думаешь, я не знаю, какие у вас в книгах новые порядки расписаны? — рассуждает Марья Алексеевна, — знаю: хорошие. Только мы с тобой до них не доживем, больно глуп народ — где с таким народом хорошие-то порядки завести! Так станем жить по старым»⁴⁵.

Роман Н.Г.Чернышевского обогатил русскую литературу новыми средствами художественного познания действительности, расширил границы и возможности реалистического метода. Новаторски сочетая обличительное и утверждающее начала, художественно-образные и научно-логические способы обобщения, писатель исследовал ведущие тенденции в жизни передовой части русского общества, духовное становление мыслящего разночинца, овладевшего идеями социализма, демократии и революции. Человек в утопии Н.Г.Чернышевского совершенно свободен⁴⁶. Он может выбирать любой вид деятельности, сексуального партнера, города и континенты для места жительства: «каждый живи, как

⁴³ Чернышевский Н.Г. Что делать? // Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1939. Т. XI. С. 284.

⁴⁴ Там же. С. 162.

⁴⁵ Там же. С. 19.

⁴⁶ Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века. С. 66.

хочешь»⁴⁷. «Свобода, равенство и братство», казалось бы, гарантируют счастье, но большинство населения в своем выборе совершенно непредсказуемо.

Чернышевский называет много раз своих героев «хитрецами» за то, что они толкуют о своей полной приверженности «теории эгоизма». С термином «эгоизм» у каждого человека связано представление о себялюбии, об извлечении из всего личных выгод, о равнодушии личности к окружающим. Чернышевский же своей теорией разумного эгоизма стремился показать, что только на путях неразрывного слияния общественных интересов с личными мыслимо подлинное счастье отдельного человека⁴⁸.

В противовес идеальному, счастливому обществу Чернышевского следует ввести общество В.Ф.Одоевского в повести «Город без имени», интересной как некоторое предвосхищение негативной утопии, функция которой заключается в изображении нежелаемого будущего.

Жители описываемого государства счастливы по-своему: они стремятся исключительно только к достижению выгоды, удовлетворению частного интереса и видят в этом главную цель своего существования⁴⁹.

Первоначально государство процветает, покоряет соседние народы и живет за счет их грабежа. Но вскоре бесконечная погоня за выгодой приводит к раздорам, к утрате общих целей, в результате общество начинает клониться к упадку и, в конечном счете, государство бесславно погибает.

Проблема счастья затрагивается и романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» в «Легенде о Великом инквизиторе», политический смысл которой просвечивает достаточно ясно: антиутопия, направленная на разрушение вполне определенной социально-политической модели, в свою очередь основанной на утопической вере в «земной рай». Этот идеологический мотив будет неоднократно встречаться в самых различных конструкциях, создаваемых русской консервативной мыслью на рубеже XIX—XX веков. Объектами консервативной критики, по мнению И.А.Исаева,

⁴⁷ Чернышевский Н.Г. Что делать? С. 358.

⁴⁸ См.: Богословский Н. Н.Г.Чернышевский. 1828—1889. М., 1957. С. 306.

⁴⁹ Русская литературная утопия. С. 21.

станут отказ от духовности в пользу материальности, от свободы — в пользу добровольного рабства, от христианской идеи — в пользу антихристовой⁵⁰. У Ф.М.Достоевского этот отказ, осуществленный либеральными и социалистическими силами, представляется делом тайным, организованным и целенаправленным. В «Легенде» Великий инквизитор утверждает, что Христос требует от человека подвига не по его силам. Человек слаб, порочен, подл, неблагодарен по природе. Поэтому предлагаемая Инквизитором утопия рисует общество, строго регламентированное и с деспотической властью, которая опирается на низменную, оторванную от высшего духа природу человека, натурализм и психологию. В этом обществе люди не могут и не хотят жить по заветам Христа и нуждаются в утешительной лжи и обуздании. Отказ от веры в бессмертие приводит к полной утрате нравственного идеала, смысла жизни, смешению критериев добра и зла. Целью становится материальное благоденствие и нравственная успокоенность, а средством к ее достижению — деспотизм и регламентированность, приобретаемые путем манипуляций человеческими страстями и слабостями. Чудо, тайна и авторитет — вот набор тех средств, которыми пользуется Великий инквизитор для достижения своей цели. Всемирное царство будет создано путем насилия и крови.

Е.И.Замятин, создавая роман «Мы», подобно символистам, ориентируется на образ — миф, текст — первооснову, с помощью которого он разрабатывает собственную проблематику. В художественном пространстве «Мы» возникает «стеклянный рай», в описании которого участвует символика геометрических знаков («прямая линия», «квадрат», «куб»), цветовая символика, символика чисел.

Замятин придал «стеклянному раю» объем, наделил рядом подробностей, получивших известную самостоятельность (Зеленая Стена, аккумуляторная башня, площадь Куба, Машина Благодетеля, Интеграл, Бюро Хранителей, Институт Государственных Поэтов и Писателей, Детско-воспитательный Завод, аудитории, Газовый колокол и др.), поэтому образ «стеклянного рая» приобрел

⁵⁰ Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX — начало XX вв.). М., 1991. С. 30.

пространственно-временную определенность, существенной особенностью которой стало его совершенство.

Индустриально освоенное пространство символизирует в романе достижение вечного счастья и блаженства, создание «стеклянного рая». Замятин вводит в произведение библейский миф о рае и аде, актуализируя внутри созданного им условного мира мотивы дьявольского искушения, грехопадения, изгнания из рая. Вещный мир произведения в силу этой соотнесенности получает символическое измерение, а различные элементы предметной изобразительности (от непонятого «х», в лице I-330 и изогнутой фигуры S, до сверкающего Интеграла, прямых проспектов и шагающих нога в ногу «номеров»), постоянно варьируясь и включаясь в разные сочетания, обнаруживают все новые и новые оттенки смысла.

Образ «стеклянного рая» непосредственно участвует в сюжетной динамике романа, реализуя мотив искушения, с которым связаны основные перипетии в судьбах персонажей.

Будучи на сюжетном уровне и местом развития действия, и порождающим это действие началом, «стеклянный рай» получает значение символического пространства и сообщает «мифологический» смысл «реалистическим» деталям и подробностям. Используя библейские мотивы, создающие второй план романа и увеличивающие его смысловой объем, Замятин предлагает самостоятельное воплощение проблемы утопического мироустройства. Ключом к ее расшифровке служат повторяющиеся детали повествования. Одна из них — Зеленая Стена.

Возникнув как реалья образа Единого Государства, его непреходящий атрибут, Зеленая Стена оказывается включенной в действие — повествователь приближается к ней, выходит за ее пределы; по ходу развития событий заговорщики разрушают Стену; ее восстановление сужает пространство искусственного мира. Но образ Стены не только входит в план предметной изобразительности романа и является существенной деталью развития действия, но и наполняется амбивалентным символическим смыслом. С одной стороны, Стена — безусловная ценность «нового мира», поскольку имеет значение границы между организованным и неорганизованным миром и служит гарантом безопасности жителей Единого Государства, их защиты от бесконечности пространства, перед которым

человек ощущает свою беспомощность. С другой стороны, Стена символизирует разрыв Единого Государства с миром Природы, с «родимым хаосом», отторжение человека от праматери-земли.

В этом контексте особый смысл обретает образ «нефтяной пищи». В мире Замятина произошло «чудо», и «камни» превращены в «хлебы». Таков знак не только предпочтения материального духовному, от чего, согласно Евангелию, отказывается Христос, но и нарушения естественной связи человека с землей и ее плодами, разрыва с кровной традицией, олицетворения того статуса человека, который Р.Гальцева и И.Роднянская называют «принципиальной безотцовщиной» антиутопического мира, где «нарочито забывается традиционное почитание земли как общей матери и утверждается культ синтетических, не порожденных ни ее недрами, ни ее плодоносным покровом продуктов»⁵¹.

Абсурдность нового культа Замятин подчеркивает рядом саркастических деталей, среди которых особенно выразительны безгливость или пренебрежительность «нумеров» к явлениям природного бытия (цветочной пыльце, ландышам, почве), к реалиям традиционного семейного уклада. Таков результат разрыва с Природой, об угрозе которого с тревогой писал Н.А.Бердяев в статье «Человек и машина», напоминая о существовавших прежде иных отношениях человека и Природы: «...Человек культуры все еще жил в природном мире, который не был сотворен человеком, который представлялся сотворенным Богом. Он был связан с землей, с растениями и животными. Согласно христианским верованиям, человек из земли вышел и в землю должен вернуться. Культура в период своего цветения была еще окружена природой, любила сады и животных. Цветы, тенистые парки и газоны, реки и озера, породистые собаки и лошади, птицы входят в культуру. Люди культуры, как ни далеко они ушли от природной жизни, смотрели еще на небо, на звезды, на бегущие облака»⁵².

Бегущие облака житель Единого Государства воспринимает как досадное недоразумение. Он привык к «стерильному, безукоризненному небу», под ногами у него «брызжащее лучами стекло

⁵¹ Гальцева Р., Роднянская И. Помеха — человек. Опыт века в зеркале антиутопий // Новый мир. 1988. № 12. С. 218.

⁵² Бердяев Н. Человек и машина // Вопросы философии. С. 149.

мостовой», вокруг «стеклянная, залитая желтым солнцем пустыня» — «весь мир отлит из ... незыблемого вечного стекла»⁵³.

Внеприродность «стеклянного рая» Замятин сглаживает тем, что граница, созданная Единым Государством между собой и Природой, не абсолютна. Медовая пыль цветов, птицы, облака все-таки проникают за Стену. А главное — природное живет в человеке («лохматые руки» Д-503). И сама по себе возможность репродуцирования вечного сюжета (Адам и Ева) в романе, действие которого разворачивается в рукотворном мегаполисе, свидетельствует о неистребимости в человеке природного начала.

Стекло не только выступает как элемент предметной детализации (дома стеклянные, стеклянные тротуары, полы, стеклянный космический корабль, стеклянный купол над Городом), но и приобретает символический смысл.

Характерная для стекла прозрачность подчеркивает отсутствие в мире Единого Государства тайны, права на обособление, на уединение и выражает мысль о вынужденной «соборности» существования в мегаполисе: «...Среди своих прозрачных, как бы сотканых из сверкающего воздуха, стен — мы живем всегда на виду, вечно омываемые светом. Нам нечего скрывать друг от друга»⁵⁴. Этот пассаж о взаимной «прозрачности» жителей Единого Государства, дополненный рядом деталей, в дальнейшем опровергается вторжением в жизнь Д-503 тайны, перевернувшей его жизнь.

Мотив стекла символизирует парадоксальное сочетание вынужденной «публичности» существования, жизни с разъединенностью людей, т.к. стекло не только открывает глазу жизнь другого, но и служит невидимой границей, преградой — кажущаяся доступность взгляду не означает родства, даже простого знакомства.

Замятин показал идею организации Государства, жители которого включены в систему разного рода регламентаций, осуществляемых с помощью фискальных, карательных и пропагандистских институтов (Бюро Хранителей, Скрижаль, Машина Благотелья, Государственная поэзия), где ежедневная жизнь включает

⁵³ Замятин Е. Уездное. Мы. Платонов А. Котлован. Ювенильное море. Романы. М., 1996. С. 134.

⁵⁴ Там же. С. 88.

как нечто заурядное обыск, слежку, донос. Проект интегрирования Вселенной и уничтожения «личных часов» свидетельствует, что границ упрощения и регламентации практически не существует, что система стремится охватить все сферы бытия личности и ее отношений с миром, полагая, что в регламентации — единственная гарантия человеческого счастья.

С помощью организации житель Единого Государства превращается в функцию дела, в винтик огромной машины. Способом заострить эту ситуацию служит у Замятина характерное для «нумеров» отношение к ночи. Ночь в Едином Государстве не может принадлежать любви, не может быть отдана творческому вдохновению. Она служит сну — и только сну, т.е. восстановлению сил человека-работника. А между тем и в философской, и в поэтической традиции ночь — время любви, творчества, момент раскрепощения мысли, познания тайн мироздания. Поэтому знаком раскрепощения повествователя становится, в частности, и то, что он как бы «возвращает» себе ночь, обретая право на особую ночную жизнь, которую ему дают сны, ставящие его вне того единства «нумеров», частью которого сам Д-503 себя с гордостью ощущает.

Таким образом, главной темой в романе становится свобода личности, которая раскрывается с помощью переосмысления идеи «всеобщего равенства». Е.И.Замятин был против этого тезиса, ценя в каждом человеке его неповторимую индивидуальность.

Появление сообщества «я», утративших самих себя и превратившихся в «мы», основывается не только на необходимости создать основу для равенства, которое оборачивается обезличиванием. Собственно обезличивание оказывается фикцией. Уже на уровне наименования персонажей возникает представление о неистребимости личностного начала, поскольку русский читатель воспринимает буквы латинского алфавита не столько как обозначение звуков речи, сколько как геометрические фигуры, становящиеся в интерпретации Д-503 знаком индивидуальности «нумера»: «тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст I-330», «вся из окружностей» О, «двойкоизогнутый» S и т.д.⁵⁵

⁵⁵ Там же. С. 80.

Развернутая метафора «стеклянного рая» обогащается в романе цветовой символикой. Образ Единого Государства и связанный с ним комплекс идей (регламентация, порядок, искусственность и т.д.) имеет в романе свой цветовой определитель. Особое смысловое наполнение приобретает в романе синий цвет, ассоциируясь с размеренным, «правильным» существованием граждан Единого Государства, существованием, подчиняющимся идеям порядка, строя, рукотворной гармонии. Синий цвет повторяется в описании города-государства, одежды населяющих его граждан («юнифа»), «блаженно-синего неба»⁵⁶ без единого облачка. Герой восхищается синими глазами О-90, цвет которых, по его мнению, свидетельствует о ясности, «правильности» ее мыслей, «прозрачности» ее сознания.

Синему противопоставлены желтый, красный, зеленый — те цвета, в стихию которых погружается герой, выходя за пределы Зеленой Стены, «охраняющей» город-государство от дикой природы, а также засыпая и видя «цветные» сны. Вводя в роман образ естественной жизни, Е.Замятин пользуется самыми различными цветами (достаточно вспомнить буйство цвета в сцене выхода героя за пределы Стены), он особенно заостряет «теплые», или — в семантике романа — «горячие», огненные цвета — I-330 красный и желтый, которые обозначают у него революцию, движение, страсть, жизнь. На I-330, соблазняющей героя, — желтое платье, в Древнем Доме — «большая, красного дерева кровать», «желтая бронза — канделябры, статуя Будды»⁵⁷.

В соединении с мотивом синего мотив стекла возбуждает представление о застылости, неподвижности и служит реализации метафоры «ледяной город» («Город внизу — будто из голубых глыб льда..., а лед все стоит..., ведь нет такого ледокола, какой мог бы взломать прозрачайший и прочнейший хрусталь нашей жизни»⁵⁸).

Мотив «ледяного города», сопряженный с мотивами оседлости и венчающим их мотивом последнего числа, призван символизировать мысль об отказе от свойственной европейской культуре

⁵⁶ Там же. С. 78.

⁵⁷ Там же. С. 93.

⁵⁸ Там же. С. 56.

фаустиановской идеи бесконечного развития, о Едином Государстве как мире, выпавшем из мировой истории, абсурдном мире, где Богом становится *Машина*.

Иван Карамазов в «Легенде о Великом Инквизиторе» из романа Ф.Достоевского «Братья Карамазовы» утверждает, что если люди поставят своей целью распределение жизненных благ, им никогда не разделиться и не помириться, они неизбежно придут к антропофагии — взаимоистреблению.

Легенда эта прямо выводит нас на решающую встречу бунтующего героя антиутопии Замятина Д-503 с Благодетелем — основным создателем и хранителем Единого Государства. Встречаются Великий Инквизитор — прообраз владыки мира замятинского «Мы», — и его молчаливый узник, в будущем Д-503 или любой взбунтовавшийся человек, страдающий и сострадающий, но при этом и жаждущий такого своего страдания больше всего на свете. Их встреча одновременно и фантастична, и закономерна для умышленного создания антиутопии: это — непрерывный диспут между героем, не приспособившимся к «счастливому» миру, и вдохновителем, и апологетом нового жизнеустройства, необходимый для выяснения зловещих основ победившей действительности.

Таким образом, встреча становится неким жанрово обусловленным сюжетным элементом и почти одинакова в любой антиутопии. Это момент «разоблачения» вдохновленного гида и основателя нового мира перед лицом его главного противника, и в то же время «допущение» некогда благонадежного бунтаря до святая святых общества, до вождя, — первая победа Человека над режимом, первое утверждение его значимости.

Прокламация главных идеологов тоталитаризма звучит убедительно, громоподобно, ибо они на взлете: оба подошли к моменту решающей битвы за всеобщее счастье, перед обоими, наконец, открылась и широкая дорога. И если Великий Инквизитор находится в начале пути, то Благодетель стоит в его успешном завершении, — осуществив задуманную Великую Операцию, «мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы»⁵⁹ (Великий Инквизитор). «И вот в тот момент, когда мы уже догнали эту мечту, когда мы схватили ее вот

⁵⁹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. С. 233.

так (его рука сжалась: если бы в ней был камень — из камня брызнул бы сок), когда уже осталось освежевать добычу и разделить ее на куски — в этот самый момент вы — вы...»⁶⁰ (Благодетель). В этот самый момент встал на дороге Человек, способный противостоять мощному натиску любой рациональной идеи. Ибо сами того не ведая, и узник кардинала, и Д-503 пришли, чтобы помешать исполнению заветной мечты вождя. Теперь только от их воли и разума зависит их личная судьба и судьба всего человечества. Перед героем встает сложная дилемма — свобода, чреватая болью и разочарованиями (а это идеолог-искуситель особенно подчеркивает, забывая упомянуть, что без свободы невозможны жизненные и творческие радости), и «адская» свобода, сторонниками которой в романе оказываются последователи «прекрасного юноши Мефистофеля» (демона, Люцифера). И если человек сомневающийся (Д-503), выступив против тоталитарного режима, останется под гипнозом его идеологии, то деморализовать его умнейшему из противников окажется значительно легче, чем можно предположить сначала. Узник Великого Инквизитора (личность личностей) никогда не будет побежден, он не сможет отречься от самого себя, и его ждет второе аутодафе. Д-503 не примет доводов Благодетеля (рассмеется), невольно выведя того за границы собственно лжи и фальши («Слушайте: неужели вам в самом деле ни разу не пришло в голову, что ведь им... что им вы нужны были только как Строитель “Интеграла” — только для того, чтобы через вас...»⁶¹ — это уже апелляция к душе, а не к рассудку, а это епархия не Благодетеля), тем самым развенчав его логику окончательно. Д-503 тоже будет уничтожен, прооперирован (новый способ умерщвления еретика, современное аутодафе). И это также закон безысходного мира антиутопии: герой должен умереть, разница только в том, сможет ли он в ситуации крайней беспомощности утвердить свое «Я» (заключенный кардинала целует своего палача, Д-503 смеется ему в лицо).

Сопоставимость «Легенды о Великом Инквизиторе» и романа «Мы» очевидна. И это не вследствие «списывания» или заимствования идей: сама суть тоталитарного режима такова, что большого

⁶⁰ Замятин Е. Уездное. Мы. Платонов А. Котлован. Ювенильное море. С. 224.

⁶¹ Там же. С. 224.

разнообразия быть и не может. Любое государство, общество, построенное по законам насилия и подчинения, в каком бы веке оно ни было основано, на чьей бы земле ни располагалось, — всегда и везде будет до банальности одинаково (ведь и счастье, предложенное насильно, также предполагалось быть одинаковым для всех). И писателю-гуманисту, будь то Достоевский, Замятин, Хаксли или Оруэлл, это было видно особенно четко. Им, творчество которых призвано служить человеку и основано на идее личности, также понятно, что на пути к утопиям, стремящимся упорядочить жизнь, встанет именно свобода этой личности.

«Последняя четверть XX века в русской литературе определена властью зла... Потеря общей идеи высвобождает энергию, необходимую для свободного путешествия. Рожденная в диалектической игре потерь и приобретений, новая русская литература выпорхнула из клетки. Острота переживаний свободы заложена в сущности ее существования. Отправная точка путешествия — ад», — такой диагноз прозе второй половины XX века дал активный участник современного литературного процесса Виктор Ерофеев в предисловии к составленному им сборнику «Русские цветы зла»⁶².

Особое место среди антиутопий конца XX века занимает рассказ Л.С.Петрушевской «Новые Робинзоны», построенный как монолог восемнадцатилетней девушки, которая вместе с родителями уехала в глубокую, заброшенную деревню. Главная тема этого рассказа-антиутопии — тема бегства от цивилизации, самоизоляции от царящего тоталитарного режима, от лжи, жестокости и насилия — трех главных столпов, на которых и держится государство, где живут герои. «Антиутопия Л.Петрушевской, — пишет Г.Л.Нефагина, — вырастает из руссоистской идеи побега человека из цивилизации в природу и свободной жизни там. Подкрепляется она и реальной бытовой идеей, овладевшей многими: купить деревенский дом подальше от города и крупных магистралей и проводить там лето. Но толчком к такому сюжету явно служит какая-то социальная катастрофа»⁶³.

⁶² Ерофеев В. Русские цветы зла. М., 1997. С. 12.

⁶³ Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80—90-х годов XX века. Минск, 1998. С. 92.

Ситуация, в которой оказались все жители деревни, безысходная. Кто-то пытается выжить, а кто-то устал от постоянной борьбы за бессмысленное существование. Семейство, только что приехавшее в деревню, нашло свой «островок счастья», вырвавшись из железной клетки и оторвавшись от того, что губит и человека, и все доброе в человеке. Но тем не менее у них нет самого главного — будущего. Приостановлено развитие общества, они изолированы от окружающего мира, от других людей⁶⁴.

Не желая приспособливаться к царящему режиму, в котором человек неизменно становится жертвой и идейно противопоставляется ей, к системе, где основной конфликт состоит в столкновении интересов человека и цивилизации, конечная цель которой — абсолютная несвобода живущих в ней людей, герои попросту сбегают: «Мои папа с мамой решили быть самыми хитрыми и в начале всех дел удалились со мной и с грузом набранных продуктов в деревню, глухую и заброшенную, куда-то за речку Морю...»⁶⁵.

Таким образом, тоталитаризм посягнул на свободу личности, изолировав ее от внешнего мира, замкнув в искусственной среде, лишив возможности сопоставления. Основными признаками тоталитаризма являются наличие единственной массовой партии во главе с лидером-диктатором, господствующая в обществе идеология, система жесткого контроля мыслей и чувств жителей такого государства, экономическая «несвобода» личности.

2.3. Вопрос о государстве и семье в творчестве русских утопистов и антиутопистов

В антиутопии остро встает проблема взаимоотношений семьи и государства, проявляющаяся в отсутствии у человека права на личную жизнь. В тоталитарном государстве превыше всего ставятся его интересы, и человек обязан жить по его законам. Государство проникает во все сферы бытия, разрушая понятие семьи, лишая человека права личной жизни.

⁶⁴ Черняк М. А. Современная русская литература. М., 2008. С. 44.

⁶⁵ Петрушевская Л. Новые Робинзоны // Петрушевская Л. Черное пальто (рассказы из иной реальности). М., 2002. С. 67.

Государство предстает неким географическим пространством, замкнутым и отгороженным от остального мира. У Е.Замятина в «Мы» — это Единое Государство, отгороженное Зеленой Стеной, которая становится искусственной границей, отделяющей рационализированное общество от мира природы. Чевенгур у А.Платонова выглядит коммунистическим островом в развивающейся стихии, обладающим особенностями своего рода черной дыры, всасывающей в себя «бедняцкий элемент».

Во всех местностях и пространствах объединяющим фактором является некий комплекс идей, сформулированный в виде лозунгов, девизов, способных в «энтузиастическом» порыве увлечь за собой массы. Эта идеология стремится выглядеть «народной», как бы исходящей из самой толщи народных масс.

Классовое происхождение становится главным основанием для того, чтобы определить место человека на той или иной ступени государственной иерархии, но антиутопическое общество непременно иерархично. «Представители власти снимают с плеч человека тяжелое бремя свободы, они отказываются от своего счастья с той целью, чтобы не участвующие во власти граждане стали счастливыми и равными друг с другом — аргументируют все участники власти в подражание Инквизитору»⁶⁶, — пишет венгерский ученый Й.Горетич.

Власти хочется выглядеть представительствующей от лица всех граждан. Даже если она захватывается нахально и бесцеремонно, ей тут же необходимо сделать вид, что она законна, ибо избрана. Альтернативой идеологии оказывается приватная жизнь героя. И поэтому многие авторы утопий вводят семейную проблематику, которая оказывается своеобразной мерой гуманизма, основой для смелого взгляда в будущее⁶⁷. Она интересна как результат моделирования реальности и как нетрадиционный взгляд на самые привычные установления нашей жизни.

⁶⁶ Горетич Й. Антиутопии XX века: Замятин. Мы. Оруэлл. 1984. «Slavica». XXV. Debrecen, 1991. С. 172.

⁶⁷ См. об этом: Н.Г.Чернышевский «Что делать?», Н.Ф.Федоров «Философия общего дела», Н.Д.Федоров «Вечер в 2217 году», А.П.Платонов «Чевенгур», «Котлован», В.Н.Войнович «Москва 2042», Е.И.Замятин «Мы» и др.

Брак решает насущные задачи социально-культурного устройства. Создание семьи — это не только ответственность супругов друг перед другом. Прежде всего, это стремление вступающих в брак людей сделать свою жизнь несколько иной, нежели прежде, показать «себе и миру» новое устройство жизни. Но «партия, — писал Дж.Оруэлл, — стремилась не просто помешать тому, чтобы между мужчинами и женщинами возникали узы, которые не всегда поддаются ее воздействию. Ее подлинной необъявленной целью было лишить половой акт удовольствия. Главным врагом была не столько любовь, сколько эротика — и в браке, и вне его. Все браки между членами партии утверждал особый комитет, и — хотя этот принцип не провозглашали открыто — если создавалось впечатление, что будущие супруги физически привлекательны друг для друга, им отказывали в разрешении. У брака признавали только одну цель: производить детей для службы государству. Половое сношение следовало рассматривать как маленькую противную процедуру, вроде клизмы. Это тоже никогда не объявляли прямо, но исподволь вколачивали в каждого партийца с детства»⁶⁸.

Традиционное отношение к семье в утопии берет свое начало, прежде всего, в теории «свободной любви» Ш.Фурье. Его идеальное общество должно было создаваться путем «коллективизации быта» и ликвидации семьи через организацию «домоводческих организаций». Предполагалось таким образом освободить женщину от домашнего рабства и приобщить к более высоким социальным проблемам. Но реализация этой отмирающей семьи должна была осуществиться лишь в перспективе, а в переходный период семья должна сохраниться, хотя женщина в ней будет освобождена от прежних бытовых забот и приобщена к общим тенденциям гармонического развития личности.

В социально-утопическом романе Н.Г.Чернышевского «Что делать?» реальность романа вступает в конфликт с реальными законами Российской империи. В борьбе за личное счастье герои одерживают верх над законами, и победа воссоздает атмосферу безоблачного счастья.

Содержание романа, взятое из «семейной жизни», на первый взгляд несложно. Если судить по сюжетной канве произведения

⁶⁸ Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М., 1989. С. 59—60.

Н.Г.Чернышевского, то можно подумать, что в центре его стоит «женский вопрос»⁶⁹. В действительности же этот вопрос служил только средством выражения более сложных идей. Он дал возможность автору наглядно показать, что степень свободы женщины есть естественное мерило общей свободы.

Сюжет романа — развернутая аллегория социального вопроса. В соответствии с культурной традицией, связывающей прочность брака с социальной стабильностью в широком смысле слова, Н.Г.Чернышевский предлагал произвести переустройство семейной жизни, считая его фундаментом для перестройки общества. Впрочем, мысль эта не ускользнула от внимания читателей-современников. Но вопреки мнению некоторых критиков писателя, та форма супружеской измены, которую он защищает в романе, нимало не направлена на подрыв и разрушение общества. То, что предстает перед читателем как супружеская измена, «наличие негативности внутри общественной структуры»⁷⁰, для Чернышевского было фундаментом эмоциональной гармонии и социального равновесия. Это равновесие достигается путем торжества принципа медиации. Последовательное применение принципа устраняет все личные конфликты и индивидуальную ответственность, примиряет все человеческие противостояния, уравнивает всех и связывает в единую структуру. Ключ к счастью — присутствие медиатора в каждой паре.

Критики Н.Г.Чернышевского ошибочно полагали, что модель семейной жизни и социальная утопия Чернышевского совершенно не учитывают реальные человеческие чувства. Напротив, принцип коллективизма имел твердый психологический фундамент: общественная гармония рассматривалась как продолжение гармонии семейной, которая, в свою очередь, была результатом практической реализации идеи о том, что любовь — опосредованное чувство — имела, по своему существу, коллективную природу.

К проблеме семьи обращался и русский утопист Н.Ф.Федоров, у которого центральной проблемой учения, изложенного в «Философии общего дела», стало воскрешение. Оживить умерших —

⁶⁹ См.: Богословский Н. Н.Г. Чернышевский. 1828—1889. С. 307.

⁷⁰ Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996. С. 134.

для него одна из важнейших нравственных проблем. Более того, из его работ видно, что воскрешение мертвых является подлинно человеческим проявлением высшей степени нравственности. Но этот величайший, по его мысли, моральный долг Н.Ф.Федоров переводил в сугубо семейственный план.

Рождение Н.Ф.Федоров рассматривал как «принятие, взятие жизни от отцов»⁷¹. Передав детям жизнь, отцы умирают, оставляя наследникам долг воскрешения. Исполнив этот великий долг перед отцами, сыновья обретают бессмертие. С.Семенова в своей книге о Федорове подчеркивает именно семейный аспект этой гениальной и одновременно ужасной утопии: «В пределе ставится задача просветить весь наследственный ряд, говоря нынешним словом, последовательный генетический “код” человечества, восходящего к немногим прародителям. Душе Н.Ф.Федорова настойчиво преподносится одна картина: сын и дочь воскрешают своих отца и мать, те своих и так далее, семья за семьей, поколение за поколением раскручивается, оживает все свернутое временем полотно сознательной, чувствующей, личностной жизни»⁷². Государство же становится воплощением «небратских» отношений. Родственным ему предстоит стать только тогда, когда во главе его будет «идеальный самодержец».

Поражение первой русской революции вызвало серьезные идейные разногласия в среде русской интеллигенции, усугубило пессимистические настроения в общественном сознании и литературе. Эти построения дали себя знать и в развитии русской утопической прозы.

Интересна в этом отношении повесть петербургского журналиста Н.Д.Федорова «Вечер в 2217 году», где стандартизации подчиняется не только общественная, но и личная жизнь людей. Даже такая интимная область человеческих отношений, как любовь, подчинена одной единственной цели — выращиванию полноценного и здорового потомства. Семьи не существует, она давно отмерла как смешной и романтический пережиток.

⁷¹ Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982. С. 476.

⁷² Семенова С.Г. Николай Федоров: творчество жизни. М., 1990. С. 217.

Героиня повести Аглая в противовес установившейся традиции мечтает о старинной семье, «замкнутой как круг»⁷³. И когда она уклоняется от любви «по записи», ее обвиняют в нежелании выполнить свой общественный долг⁷⁴.

Повесть Н.Д.Федорова типична для жанра антиутопии. Она направлена против «ультралевых»⁷⁵ представлений о будущем. Это, по сути, те представления, которые классики марксизма ассоциировали с «казарменным коммунизмом»: отрицание личности, идея абсолютного обобществления, подчинившая себе самые сокровенные сферы бытия и естественные человеческие нужды.

Вопросам будущего устройства семейных отношений утописты отдавали дань. Будет ли семья вообще существовать, получат ли люди право на самостоятельный выбор спутника жизни, как будет организовано семейное, половое воспитание и т.п., какой станет роль женщины — все это обсуждается в утопиях довольно живо и подробно. Антиутопия предостерегает против возможного отрицательного хода истории, против негативных, разрушительных тенденций в обществе. Дело антиутопии — довести до абсурда существующие отрицательные стороны человеческой жизни.

Антиутопии в полной мере отражают распад семейных отношений в XX веке. Это связано с тем, что государство решило стать для человека абсолютно всем. Грань, разделяющая человека и государство, проходит через семью. А там, где государство «наступает» на семью, не может быть здоровой и полноценной суверенной личности.

Зачастую антиутопии содержат в себе описание такой картины, когда личность лишь борется за свое спасение и видит выход в отрешении от воспоминаний и упоминаний о каких-либо социальных институтах.

Впрочем, может оказаться, что именно семья станет тем единственным реальным источником, поддерживающим существование личности, ее относительную независимость от разрушительных социальных тенденций.

⁷³ Федоров Н.Д. Вечер в 2217 году // Русская литературная утопия. М., 1986. С. 186.

⁷⁴ Шестаков В.П. Эсхатология и утопия. С. 58.

⁷⁵ Там же.

В эпоху крушения тоталитарных режимов всегда поучительно подвести итог различным аспектам этой жизни, отраженным в литературных антиутопиях.

Важным вопросом в существовании Единого государства Е.И.Замятина в романе «Мы» является проблема семьи, брака, любви. Здесь этот вопрос решают словно по Платону, который говорил, что «правильной любви свойственно любить скромное и прекрасное, притом рассудительно и гармонично»⁷⁶, потому что в государстве будущего стихия любви была побеждена, т.е. «организована, математизированна», она была приведена «к гармонической, приятно-полезной функции организма»⁷⁷. В Едином Государстве Е.И.Замятина граждане — «нумера» обрели «Lex sexualis», где каждый имеет право на каждого «как на сексуальный продукт». Понятие же семьи герои просто не используют. Дело, по-видимому, в том, что Единое Государство взяло на себя буквально все заботы о воспроизведении человеческого рода. Во всяком случае, одна из героинь по имени О-90 не имеет права стать матерью, ибо она «не дотягивает» пяти сантиметров до «материнской нормы» — установленного государством стандарта физических кондиций, дающего право на обретение потомства. Сама же по себе «технология» воспроизведения потомства достаточно традиционна: на один час персонажам выдают розовые шторы, и их стеклянные жилища приобретают некое подобие интимного отгороженного пространства.

Качества и черты характера будущего потомства не просто закладываются, но государство устанавливает заведомый порог возможностей, через который человеку никогда уже не суждено переступить. Семья здесь просто не существует. Государство одновременно становится и отцом, и матерью, и мудрым наставником. Видимо, здесь сказывается то самое ощущение пройденных человечеством исторических этапов, когда общество заранее брало на себя функции регулятора не только семейных отношений, но и — заранее — всей последующей жизни человека.

В «Чевенгуре» А.П.Платонова почти все пары находятся вне классической нормы семьи. Тоска человека по семье у Платонова

⁷⁶ Платон. Сочинения: В 3 т. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 187.

⁷⁷ Там же. С. 22.

предстает тоской по прошлому, тягой к нормальной человеческой жизни.

Отказ от полнокровной семейной жизни, аскетические порядки — это одна из революционных заповедей. Яков Титыч пытается доказать, что «пора жить и над чем-нибудь задумываться: в степях много красноармейцев умерло от войны. Они согласились умереть затем, чтобы будущие люди стали лучше их, а мы — будущие, а плохие — уже хотим жен, уже скучаем, пора нам начать в Чевенгуре труд и ремесло!»⁷⁸

Но прошлая нормальная жизнь не дает покоя тем, кто помнит ее: «Редкие из пришлых чевенгурцев бывали временно женаты, они помнили и другим говорили, что семейство — это милое дело, потому что при семье уже ничего не хочется и меньше волнуешься в душе, хочется лишь покоя для себя и счастья в будущем — для детей; кроме того, детей бывает жалко, и от них становишься добрей, терпеливей и равнодушной ко всей происходящей жизни»⁷⁹.

Представление о женщине у героев А.П.Платонова уже вполне скомпрометировано. Ведь быть «кровным товарищем человеку» — это предел, которого она может достичь в чевенгурском мире. А пока женщина остается враждебной стихией, которую пролетариат должен покорить. Чепурный определяет это так: «пролетариат любви захотел: значит, в Чевенгуре он хочет все стихии покорить, это отличное дело!»⁸⁰. Семья у А.П.Платонова остается полем вражды обремененных имуществом людей.

С «докоммунистическим» прошлым антиутопический мир реализованной утопии связывают только образы детей. Дети должны вырасти гармоничными, здоровыми и счастливыми. Ради них, растущих без семейной заботы и опеки, терпят муки неустроенности чевенгурцы и строители котлована. Но дети у А.П.Платонова остаются детьми навсегда. Им не суждено вырасти. Они умирают в самом прекрасном детском возрасте, и смерть их делает ненужными все социальные ухищрения новых властителей прогресса.

⁷⁸ Платонов А. Избранное. М., 1988. С. 318.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. С. 322.

В утопическом романе В.Н.Войновича «Москва 2042» какие бы то ни было моральные соображения относительно противоположного пола исчезают. Один из персонажей на вопрос героя-рассказчика Виталия Карцева, где в бане находится мужское отделение, отвечает, что «разделение различных предприятий на мужские и женские еще существует только в кольцах враждебности, а здесь полное равенство, и разница между женщиной и мужчиной практически стерта»⁸¹.

Как и в различных утопиях, государство здесь взяло под свой контроль все процессы, связанные с рождаемостью, только у Войновича метафора реализуется, ситуация доводится до абсурда, и вот какую картину видит герой: «В большом просторном помещении... на широких железных кроватях... бесстыдно совокуплялись голые пары, причем делали это не стихийно, не сами по себе, а под наблюдением группы специалистов, которые проводили измерения, записывали что-то в тетрадки и давали указания, кому, что и как надо делать»⁸².

В рассказе «Новые Робинзоны» Л.С.Петрушевской спасение голодных подброшенных мальчика и девочки руководствуется не материнским инстинктом, чувством жалости или состраданием, а необходимостью продолжения рода человеческого. Главные герои рассказа лишены психологии общественного человека. Они — лишь биологические единицы, новые Робинзоны, создающие самодостаточный для жизни остров вне цивилизации, вне враждебного внешнего мира. Критик Л.Панн отмечает особенность антиутопии Л.С.Петрушевской так: «Антиутопия реальна до предела: этот жанр носится в воздухе и означает не столько литературные явления, сколько нынешнюю жизнь — жизнь после краха всех иллюзий, включая веру в человечество. <...> Социальные моменты играют тут малую роль; кошмар жизни универсален, и вовсе не только быт его предопределил. Петрушевская пишет подчеркнуто асоциальные антиутопии. Она разрушает утопию на всех уровнях: любовь оборачивается кровавыми дефлорациями

⁸¹ Войнович В. Москва 2042. М., 1990. С. 515.

⁸² Там же. С. 632.

и бесполезными декларациями, семейное счастье — бессонными ночами и скандалами»⁸³.

Жизнь в тоталитарном государстве, не будучи свободной, кажется на первый взгляд достаточно благополучной. Но в действительности жители утопий несчастны, так как их интересы подчинены интересам государства. Им не знакомы чувства любви, ненависти, ревности. В этом обществе нет семьи, нет дома, как места, обладающего особой культурной и душевной атмосферой.

Таким образом, как бы ни хотелось переделать мир, как бы ни стремились утописты изменить самые основы устройства жизни, без семьи не обойтись. Но это совершенно особая семья, в которой едва ли не самым активным персонажем становится государство. Государство «влезает в душу», регламентирует телесную жизнь своих сограждан и тем самым расстреляет их.

2.4. Диалектика антиутопии: путь от «винтика» к человеку

В научной концепции культуры М.М.Бахтина⁸⁴ и художественных поисках Е.Замятина 20-х годов отразилась глубинная коллизия эпохи, продемонстрировавшая кризис личности, утрату каких бы то ни было условий, обеспечивающих личности независимость и суверенность. Отсюда — невероятная напряженность и противоречивость усилий вернуть само понятие «личность» культуре.

Е.Замятин со свойственной ему широтой философского и культурологического кругозора ищет «родословную» этого понятия. И находит ее в эпохе Реформации.

В пьесе «Огни Святого Доминика», создаваемой почти одновременно с романом-антиутопией, очевиден аллюзийный смысл, лежащий на поверхности. В борьбе испанской инквизиции с еретиками легко прочитывались трагические коллизии русской революции.

А истоки высших для писателя ценностей — интеллект и личность — виделись в эпохе, обозначенной философом-гуманистом

⁸³ Панн Л. Вместо интервью, или Опыт чтения прозы Людмилы Петрушевской вдали от литературной жизни метрополии // Звезда. 1994. № 5. С. 200.

⁸⁴ См. об этом: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 179.

М.Монтенем, создавшей новую картину мира (коперниковская революция), обосновавшей связь сомнения с актом мышления (Р.Декарт). На конфликте вольномыслия с идеологическим догматизмом и дикими суевериями и строится пьеса «Огни Святого Доминика».

Тематически пьеса очень близка роману: борьба с «личным сознанием», атмосфера наушничества и сыска, массовое единогласие толпы на аутодафе. Но сейчас важнее отметить другое. В статье «Завтра» (1919—1920) Замятин констатировал, что «возвращается дикое средневековье, стремительно падает ценность человеческой жизни»⁸⁵. И своей пьесой Замятин обозначил ценности, которые ему были близки и служили действенной альтернативной современному «средневековью».

Разум заставляет Д-503 разглядеть свою связь с «первобытным состоянием»⁸⁶. Он — вдруг! — видит, что «тонкая скорлупа ... под ногами стала стеклянной»⁸⁷. А за скорлупой — «чрево земли». И Д-503 переживает миг растворения, которое сулит новое рождение: «Весь мир — единая необъятная женщина, и мы — в самом ее чреве, мы еще не родились, мы радостно зреем»⁸⁸.

Острота такой ситуации подчеркнута и тем, что предощущаемое героем перерождение соотнесено с его любовью к I-330. Индивидуальная любовь оказывается основной предпосылкой восхождения к разуму, открывающему новые горизонты познания и существования. И здесь видна важнейшая антиномия становления личности в замятинском романе: осознавая свое «я», формируя «личное сознание», человек нисходит к «первоначалу» существования, к «первотворению», за которым — возвращенный Эдем (возлюбленные Д-503 и I-330 предстают как новые Адам и Ева)⁸⁹.

У Замятина любовь вырывает человека из наличного существования, возвращает к «пра-бытию» (в романе оно — сообщество поросших шерстью людей) и — одновременно — обостряет чувство

⁸⁵ Замятин Е. Я боюсь. Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / Сост., комментарии А.Ю.Галушкина; Вступ. статья В.А.Келдыша. М., 1999. С. 49.

⁸⁶ См.: Ермилова Е.В. Теория и образный строй русского символизма. М., 1989. С. 35.

⁸⁷ Замятин Е. Уездное. Мы. Платонов А. Котлован. Ювенильное море. С. 92.

⁸⁸ Там же. С. 124.

⁸⁹ См.: Хализев В.Е. Наследие М.М.Бахтина и классическое видение мира // Филологические науки. 1991. № 5. С. 9.

своей уникальности и неповторимости. Формирование личного сознания тоже оказывается производным от любви. Как говорит I-330, «чтобы получилось H₂O — ручьи, моря, водопады, волны, бури — нужно, чтобы половины соединились»⁹⁰. Но вместе с тем такой синтез актуализирует осознание своей индивидуальности.

Разум у Замятина не универсализируется, а индивидуализируется, поскольку динамичный импульс бытия сопряжен с правом выбора, «вопросительным знаком», который порождает лишенный предрассудков естественный ум.

У Замятина «колесо бытия» (динамика) оказывается истиной, открывающейся герою во сне («говорят, у древних это было самое обыкновенное и нормальное — видеть сны. Ну да: ведь и вся жизнь у них была вот такая ужасная карусель...»)⁹¹. «Ужасная карусель», пугающая «трезвеющего» героя, — это многообразие и пестрота форм культуры, открывшихся взору Д-503 в старинной квартире («странный ... музыкальный инструмент...», «красные, зеленые, оранжевые переплеты древних книг»)⁹².

Романом в качестве ценности утверждается человек, воплощающий преднаходимое единство «мира вещественного» и «мира другого» (феноменального и ноуменального). Разделение этих миров и ведет, как показано в романе, к конфронтации. Тотальное единство (на любых основаниях) не оставляет места инициативе индивидуального разума, лишённого свободы — или даже возможности — высказывать свои мысли. А без критики (еретичества) разум, если воспользоваться словами И.Канта, «находится как бы в естественном состоянии и может отстоять свои утверждения и претензии или обеспечить их не иначе как посредством войны»⁹³. Восстание «нумеров» и «дикарей» в романе, понятое в рамках кантовского анализа «естественного состояния», как раз и демонстрирует утрату «мужества пользоваться собственным умом»⁹⁴ и, следовательно, свободы — «коренного права человеческого разума»⁹⁵.

⁹⁰ Замятин Е. Уездное. Мы. Платонов А. Котлован. Ювенильное море. С. 188.

⁹¹ Там же. С. 97.

⁹² Там же. С. 93.

⁹³ Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 625.

⁹⁴ Там же. М., 1966. Т. 6. С. 27.

⁹⁵ Там же. М., 1964. Т. 3. С. 626.

Актом сознания Д-503 выделился из общества Единого Государства. Так называемый «пограничный период» инициации, по мнению В.Я.Проппа, связан с дорогой в иной мир, через лес⁹⁶. В фольклоре, как известно, граница леса, царства мертвых, обозначена избушкой Бабы-яги. В романе такой границе соответствует Древний Дом и охраняющая вход в него старуха. Героями романа Д-503 и I-330, рожденными в лабораториях Единого Государства, старуха с ввалившимся, заросшим ртом (коррелирующим с женским лоном) воспринимается как мать. Тем самым герои приобщаются к своей естественной родовой человеческой сущности, отрицаемой идеологией Единого Государства. С точки зрения этой идеологии, родовая сущность — явление атавистическое и, следовательно, мертвое. Вытесненные за пределы стен Государства поросшие шерстью дикари в восприятии «нумеров» — мертвецы. Понятно отсюда, что лес, где они обитают, вполне соответствует «тридесятому царству» как загробному миру.

Инициация состоялась: Д-503, по его собственному признанию, «перестал быть слагаемым, как всегда, стал единицей»⁹⁷. Искусственно рожденный Д-503, лишенный исторической и нравственной памяти, пригвожденный рассудком к незыблемым скрижалям Единого Государства, регламентирующим все отправления «нумеров» (от половых до служебных), оказался причастным не Богу любви, но Богу жестокости (Благодетель и открывает Д-503 эту истину).

В.А.Туниманов, рассматривая «борьбу миров» в романе, пришел к выводу: «Замятин явно из двух миров предпочитает “старый”, со всеми его несовершенствами и стихийно-разрушительными явлениями. “Скифское”, дикое, свободное для него бесконечно роднее и человечнее стерильного Единого Государства “идеальной несвободы”: пусть лучше жуткая, но и “веселая” петербургская зима 1917—1918 года, чем скучный прозрачный город с укрощенными солнцем и облаками, розово-галантной любовью и фараоноподобным Благодетелем...»⁹⁸.

⁹⁶ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 58.

⁹⁷ Замятин Е. Уездное. Мы. Платонов А. Котлован. Ювенильное море. С. 183.

⁹⁸ Туниманов В.А. Что там дальше // Русская литература. 1993. № 1. С. 75.

Столкновение Единого Государства с носителями бунтарского начала — это внешний план действия. Гораздо значительнее в романе внутренний план, связанный с фигурой повествователя, состоянием его сознания, его духовной и интеллектуальной биографией. Ему, автору и главному действующему лицу, принадлежит первая роль в произведении.

Строитель Интеграла, создатель «Записей», поначалу — плоть от плоти Единого Государства. Он часть его структуры, которая немыслима без Благодетеля, без репрессивного и пропагандистского аппарата, без «нумеров» с присущим им комплексом благодарности Благодетелю, сознанием долга перед Единым Государством и чувством превосходства над всеми, кто вне «Единой церкви». Но именно ему, Строителю, дан шанс выйти из-под власти господствующих догм, именно его судьба позволяет писателю провести исследование трагических коллизий, связанных с проблемой освобождения личности.

Сам принцип появления главного лица в произведении представляет собой некий парадокс. Д-503 рекомендует себя поначалу как делегата множеств, как их правомочного представителя, берущего на себя право говорить от лица «мы», выражать общую точку зрения. Началом внутреннего действия становится коллизия двух разнонаправленных устремлений героя — любви и заговора против Единого Государства. Вследствие чего в миражном пространстве Единого Государства появляются признаки естественного мира: Древний Дом, музыка Скрябина, «пестрая, путаная толчея людей, красок, птиц...», «дикая, неорганизованная ... пестрота красок и форм», «исковерканные эпилепсией, не укладывающиеся ни в какие уравнения линии мебели»⁹⁹.

Повествование приобретает остросюжетный характер, но вместе с тем строится прежде всего как монолог, в котором герой чем дальше, тем больше превращает описание в исповедь, принимающую по мере развития конфликта лихорадочно напряженный характер. Монолог тяготеет к лирическому типу — он воссоздает образ переживания с помощью метафор, часто развернутых, обозначающих сложные метафизические понятия, психологические состояния, и с помощью разветвленной системы взаимосвязанных

⁹⁹ Замятин Е. Уездное. Мы. Платонов А. Котлован. Ювенильное море. С. 93.

лейтмотивов, выступающих как знаки идей или настроений в их вариационном развитии, пересечении и столкновении, которыми сопровождается пробуждение в Д-503 его «лохматого» двойника.

Существование в «стеклянном рае» подразумевает всеобщую «прозрачность». Мотив прозрачности как полной контролируемости частной жизни трансформируется по мере «рождения» у Д-503 души в мотив тайны. Что-то таинственное, непонятное чудится Д-503 в членах его «семьи» — О-90 и R-13. Но только любовь к I открывает Д-503, что «прозрачность» мира в Едином Государстве мнима, что в человеке остается непрозрачным самое существенное — сознание, и ведут в его глубины «только крошечные окна» — глаза. И когда они приоткрываются, в них пылает огонь. Мотив тайны скрытого огня, страсти превращает I-330, какой ее видит Д-503, в воплощение светоносной энергии.

Страстный монолог героя передает поток противоречивых состояний, через которые проходит Д-503. Обязанный встать и лечь в определенный час, он открывает для себя, что все разные, что любовь — дело личного выбора, что единение с любимой приносит больше радости, чем маршировка в одной колонне, что его представление о стране безоблачного счастья — ложно, а главное — что рядом с ним существует мир, о котором он не подозревал, в его жилах течет «капля лесной солнечной крови», а в нем самом живет его второе «я».

Замятин предвидел, сколь глубоким может быть проникновение ложных представлений в сознание человека, какую подходящую почву они могут найти в психике личности и каким мучительным может быть сопротивление между предубеждениями и естественными побуждениями, сколь непростым будет освобождение сознания, как дорого обойдется расставание с догматами, паразитирующими на стремлении человека к счастью и справедливости, на его потребности преодолеть отчуждение от мира.

Одним из трагичных и вместе с тем просветляющих моментов в истории духовного освобождения Д-503 становится тот эмоциональный взрыв в его душе, когда он, узнав, что I-330 использовала его чувство во имя общих целей, решительно отвергает чье-либо право видеть в нем молекулу целого, функцию Дела — будь то строительство Интеграла или заговор еретиков.

Условность созданной модели действительности только подчеркивает объемность психологической характеристики, множественность использованных Замятиным детерминант человеческого поведения и состояния — природно-биологических, эмоционально-психологических, нравственно-философских. В антиутопии представлено механическое равенство: «В один и тот же час единомиллионно начинаем работать — единомиллионно кончаем. И, сливаясь в единое, миллионнорукое тело, в одну и ту же назначенную скрижалью секунду, мы подносим ложки ко рту и в одну и ту же секунду выходим на прогулку и идем в аудиториум, в зал Тейлоровских экзерсисов, отходим ко сну...»¹⁰⁰.

Однако по мере движения внешнего сюжета в сознании Д-503 и в структуре его рукописи происходят качественные изменения. Во-первых, в «Записях» возникают противоречия, противопоставления, проблема выбора и элементы оценки: «приятно-полезная функция» перерастает в любовь (отношения с I-330), добровольное подчинение государственной власти оборачивается духовным рабством и полным обезличиванием (Великая Операция по удалению фантазии), выполнение долга оказывается предательством (отказ донести на I-330, участие в митинге сторонников революционного заговора Мэфи). В романе психологически тонко изображено, как в «нумере» Д-503 — частице «единого, могучего, миллионноклеточного организма» — зарождается сознание своей личности.

В сознании героя все сплетено в один клубок. Его желанию осуществить себя как неповторимую личность в чувстве к I-330 противостоит не менее сильное стремление вернуться в шеренгу, снова ощутить себя частью огромного привычного целого, «влиться в точный механический ритм., плыть по зеркально безмятежному морю». Каждый выход за Стену порождает чувство незащищенности, страх перед «бездной». Каждое отступление от массы сопровождается в душе Д-503 ощущением утраченной устойчивости, даже ожиданием кары, мотивом большой совести (пятно на юнифе в День Единогласия; парафраз библейского сюжета о камнях, упавших с неба на головы врагов Иисуса Навина).

¹⁰⁰ Замятин Е. Уздное. Мы. Платонов А. Котлован. Ювенильное море. С. 83.

Замятин изображает борьбу между внутренне антиномичными стремлениями человеческого духа и проецирует ее на евангельский сюжет. В романе 40 записей. 40 — число сакральное: сорок дней продолжалось искушение Христа в пустыне; сорок дней не покидает душа умершего землю — столько времени требуется для перехода из состояния земного в астральное. Сорок дней в судьбе Христа — это история преодоления им сил земного притяжения. Сорок дней в истории Д-503 — история обретения и утраты им живой души, своего «я», история его окончательного уподобления машине.

Но с судьбой Д-503 связан еще один, может быть, самый сложный для постижения сюжет, возвращающий нас к образу космической утопии.

Тему иррационального вводят в роман мотив –1 и круг деталей, характеризующих непознанное, непознаваемое и притягательное в облике героини, а также связанное с вторжением в стерильную атмосферу Единого Государства реалий природы (цветочная пыль, ветер, бьющий в стеклянные стены домов, крики птиц), деталей быта и искусства «диких предков».

Д-503 открывает иррациональное не только вовне, но и в себе самом. Его лохматые, обезьяньи руки становятся знаком его кровного родства с тем миром, что вытеснен за Стену, миром хаоса и страсти, побуждающим его к безумным, необъяснимым поступкам, вызывающим у самого Д-503 чувство ужаса.

Мотив ужаса перед иррациональным сопряжен с мотивом обожествления Стены, мотивом поиска числа, способного определить неопределимое. Тем самым Замятин дает понять, как глубоко укоренена идея рационального мироустройства в психике человека, который вышел из природного мира, утратил первоначальное единство с ним, утратил Бога, противопоставил себя этому миру, но испытывает ужас перед ним, с трудом выносит бремя личной ответственности и готов уступить право личного выбора тому, кто может гарантировать ему стабильность.

Два образа — Стена и –1 — выступают как знаки трагической контроверзы человеческого сознания: иррациональное начало, перед которым Строитель испытывает страх и которое влечет его к себе; и «Стена» разума — то, что ограждает его от неорганизованного мира, отвечает его потребности в порядке и устойчивости.

Кульминацией интеллектуальной биографии персонажа становится признание им реальности ирреального мира. Это признание соединяет воедино разные мотивы романа, вплотную подводя к его центральной мысли — проблематичности не столько технократической утопии или политики военного коммунизма, или коммунистической идеи вообще, сколько проблематичности самой рационалистической концепции мира, упрощенного объяснения загадок бытия, сомнительности попытки «вывести» формулу счастья. Другими словами, Замятин предъявляет счет завышенным обещаниям крайних рационалистов сделать человечество благополучным и счастливым, не знающим трагедий и страданий, держащим в своих руках нити господства над миром, его тайнами и загадками, но способными породить лишь мир наизнанку, мир, в котором идея соборности оборачивается муравейником, идея равенства — всеобщей уравниловкой, а обеспечение материальных потребностей («хлебы») требует отказа от личного выбора.

Посвящение в «скифа» заставило Д-503 осознать себя «единицей», но не избавило от наваждения — ощущения себя иррациональным числом, квадратным корнем из минус единицы, не избавило от потребности веры, иррациональной по своей природе, обеспечивающей «незаконную» свободу поступка. А эта свобода немислима без признания себя «личным существом», способным возвыситься над своей природной и сверхприродной обусловленностью. Такой смысловой акцент ощутим в замятинской статье «Герберт Уэллс»: «Циркулярная окружность ограниченного землей социализма и уходящая в туманную бесконечность гипербола религии — такое разное, такое несовместимое. Но Уэллс пытается разорвать окружность, разогнуть ее в гиперболу, один конец которой упирается в землю, в науку, в позитивизм, а другой теряется в облаках»¹⁰¹.

Впав в блаженный идиотизм — путем избавления от души — герой романа продемонстрировал (своей неспособностью «иницироваться в личность») отсутствие мужества.

В статье «Завтра» Замятин писал: «Единственное оружие, достойное человека — завтрашнего человека, — это слово»¹⁰².

¹⁰¹ Замятин Е.И. Сочинения. М., 1988. С. 383.

¹⁰² Замятин Е. Я боюсь. Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. С. 49.

В романе же «завтра» предстало как лишенное преемственности, культуры, интеллекта и личности. И автор занял асимметричную позицию; в этой асимметричности проявилась причастность писательского слова к традиции, освященной Крестом. Писатель воплотил парадокс прокламируемого им еретичества оппозицией богохульству современной ему эпохи.

Авантюра, ведущая героя к обретению индивидуального сознания как проявлению духовного здоровья, заставляет вспомнить Достоевского, с которым замятинский роман вступает в сложнейшее взаимодействие.

Замятинской антиутопии близка поэтизация «живой жизни», развернутая в «Записках из подполья» Ф.М.Достоевского: «...Мы все отвыкли от жизни... Даже до того отвыкли, что чувствуем подчас к настоящей “живой жизни” какое-то омерзение, а потому и терпеть не можем, когда нам напоминают про нее. Ведь мы до того дошли, что настоящую “живую жизнь” чуть не считаем за труд, почти что за труд, почти что за службу, и все мы про себя согласны, что по книжке лучше»¹⁰³.

Рассудочность построенной «по книжке» жизни и пытается преодолеть герой замятинского романа, уже не совсем уверенный в том, что «допотопные времена всевозможных Шекспиров и Достоевских — или как их там — прошли»¹⁰⁴.

Прием «сна» традиционен для русской утопической литературы («Сон “Счастливое общество”» А.П.Сумарокова, глава «Спаская Полесь» из «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н.Радищева, сны Веры Павловны в «Что делать?» Н.Г.Чернышевского и т.д.). Сон мотивировал путешествие в будущее с его картинами утопического социального идеала. Но лишь у Ф.М.Достоевского сон (как условие прорыва к иной, желаемой, реальности) насыщен психологическим содержанием, обусловленным стремлением героев преодолеть все формы детерминизма (социально-исторические, научно-философские и т.д.). Осознаваемому кризису этих форм соответствует, по замечанию М.Бахтина, «кризисная вариация сна»¹⁰⁵. В ней объективно оспаривается сама возможность

¹⁰³ Достоевский Ф.М. Записки из подполья. С. 178.

¹⁰⁴ Дикушина Н.И. Октябрь и новые пути литературы. М., 1978. С. 124.

¹⁰⁵ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 172.

социального проектирования, основанного на личных научных предпосылках, строящихся на причинно-следственных отношениях между явлениями.

В ряду вопросов, поставленных «Сном смешного человека» (перспективы существования всего человеческого рода, проблема бессмертия, отношение сознания к бытию и т.д.), центральным является вопрос о личности — обосновании ее горизонтов, ее стремлений и статуса, ее «онтологического» фундамента. Трехчастность композиции «Сна», обусловленная его связью с мистерией, с этой точки зрения переформулируется: абсолютное отрицание мира, закономерно влекущее героя к самоубийству, его (мира) абсолютное приятие (в рисуемом сном «золотом веке» осуществляется «насущное, живое и непрерывное единение с Целым вселенной») и, наконец, «возвращение» к реальности; подобное «возвращение» Бахтин назвал «трезвением» утопической веры «в возможность чисто внутренним путем превратить жизнь в рай»¹⁰⁶.

«Трезвение» героя «Сна» заключается в том, что он в результате осознал ответственность своего места на «пороге» мира земного и мира небесного, тем самым став ответственным и за будущую жизнь, ибо отыскал маленькую девочку, соединив ее страдания со своими.

Видения сна вытесняются верой в беспредельность страдающей любви, воплощенной Христом. Эта беспредельность принципиально неисчерпаема и алогичным образом сопresentствует в настоящем: в «здесь» и «теперь» страдающей, вопрошающей и любящей личности.

Кризисная, пороговая ситуация героя «Мы» оказывается адекватной той, что испытывают и переживают герои Ф.М.Достоевского. Д-503, подобно Раскольникову, в состоянии бреда и болезни (состояния, «параллельные» у Достоевского выздоровлению и «трезвению») видит однажды, как сквозь стекло на него смотрит «тупая морда какого-то зверя», его «желтые глаза, упорно повторяющие одну и ту же непонятную мне мысль». И возникает контур, абрис «золотого века», как бы предугадываемый в вопрошании:

¹⁰⁶ Там же. С. 271.

«А вдруг он, желтоглазый, — в своей нелепой, грязной куче листьев, в своей невычисленной жизни — счастливее нас?»¹⁰⁷.

Мучительные переживания Д-503 достигают своей кульминации в его желании «не дожидаясь — самому вниз головой...»¹⁰⁸. Герой уже не верит в «спасение» путем Великой Операции и, главное, не хочет его. Он впервые начинает рассуждать об «окончательной» смерти. «Нумера», марширующие на Великую Операцию, представляются рассказчику в гротескном, нелепом виде («человекообразные тракторы»¹⁰⁹), город — «чужим, диким».

Однако подобные мысли и сравнения героя — это не результат реального качественного изменения его сознания, а скорее следствие уныния и страха перед неизвестностью. До самого последнего момента Д-503 сохраняет уверенность в том, что на его глазах «рушилась величайшая и разумнейшая во всей истории цивилизация». Содержание «Записи 40-й» возвращает нас к прежнему образу рассказчика, который после выжигания фантазии становится «совершенно, абсолютно здоров»¹¹⁰.

Таким образом, становится ясно, что в условиях тотального подчинения и контроля со стороны всемогущего государства сама возможность духовного роста оказывается фикцией, а движение от «нумера» к человеку — иллюзорным и лишенным всякого смысла.

¹⁰⁷ Замятин Е. Уездное. Мы. Платонов А. Котлован. Ювенильное море. С. 138.

¹⁰⁸ Там же. С. 197.

¹⁰⁹ Там же. С. 205.

¹¹⁰ Там же. С. 235.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ проблем культуры в русской литературной утопии XIX—XX веков показал, что полное понимание культурной жизни общества невозможно без утопической литературы. Утопические романы и повести играют существенную роль в осознании и оценке образа будущего. Через творческий процесс — созидание утопии — возникают многообразные варианты грядущего, духовно подпитывающие дальнейшее развитие общества.

Терминологическое наполнение концепта «утопия» в современной науке с возможным акцентированием эмоционального, провиденциального, научного аспектов все же закономерно сводится к обозначению вымышленной страны, призванной служить образцом социального устройства. Отсюда употребление понятий «утопия» и «утопический» применительно к обозначению философских сочинений, трактатов, художественных произведений, содержащих нереальные планы общественных преобразований.

Проследив эволюцию утопической мысли, можно сделать вывод, что независимо от временного самоопределения, утопии каждой эпохи зависимы от хронотопа, в котором они возникли. Традиционность литературных схем не влияет на самое естество утопии, которая не перестает свидетельствовать о породившей ее культурно-исторической ситуации. Все в утопии действует по принципу взаимосвязи общего и особенного: она отвечает на вечные вопросы о человеке, не минуя вопросов, сопряженных с конкретными человеческими обществами. Следовательно, утопистов порождают общества в состоянии кризиса и социальных антагонизмов, сомнения и неуверенности: от платоновской Греции до современного нам мира.

Утопия неразрывно связана с тоталитаризмом, так как его основным субъектом выступает государство, которое является самой влиятельной силой. Тоталитарное государство игнорирует интересы подчиненных субъектов, применяя власть, в том числе и в незаконных формах, поскольку законность в таких странах не является ценностью. Господствующий режим проникает в самые интимные обстоятельства индивидуального бытия, вплоть до сновидений или

до подсознательного употребления идеологизированной лексики для описания собственного психического состояния.

Специфика тоталитаризма — исключение из общественного сознания позиции беспристрастного созерцателя, когда личность либо обретает зависимость от власти, либо становится жертвой.

Антиутописты борются художественными средствами против реального зла, угрожающего человечеству, — грядущего тоталитарного социализма. Они пытаются направить общественное сознание к изменению представления людей о том социальном порядке, к которому следует стремиться. Антиутопия дает исчерпывающее представление об устройстве той страны, где происходит действие. Государство в той или иной форме непременно участвует в повествовании через проводников власти и господствующей идеологии.

Цель тоталитарных государств — подавление человеческой личности, лишение человека его духовных, нравственных первооснов. Авторы утопий, претендуя на обеспечение всеобщего счастья, забывают отдельного индивидуума. Субъекты социума, подчиненные «великим идеям», лишаются индивидуальности. Отсюда разочарование — в себе и в мире. Утрата духовной свободы человеком приводит к прекращению добровольности служения идее. Призрачность Великой идеи рассеивает человек прозревший, не пожелавший быть «винтиком» в единой государственной машине.

Одной из насущных проблем духовной жизни человечества является глубокое противоречие между научно-техническими достижениями цивилизации и уровнем духовного самосознания личности, превращение человека в придаток Машины и, как следствие, тотальное подавление и даже полное нивелирование личности в технократическом обществе.

Писатели-утописты XIX—XX веков в своих произведениях предприняли попытку оградить идеальное общество, где каждая личность счастлива и беззаботна. Участвуя в организации реальных «предприятий жизнеобеспечения» культуры, они создали «рай на земле», который в первую очередь является структурой не религиозной, и даже не метафизической, а культурно-бытовой по преимуществу, инициирующей разнообразные движения в модуле «структур повседневности». Но все тоталитарные режимы

антиутопистов, построенные по законам насилия и подчинения, независимо от времени и места создания, до банальности одинаковы. Счастье, предложенное насильно, одинаковое для всех, и потому противоречащее человеческой природе, утрачивает свою эвдемонистическую истинность в связи с тем, что перестает быть самим собой — индивидуальным для каждого человека. И писателям-гуманистам, провидцам культурно-исторического развития общества — Ф.М.Достоевскому, Е.И.Замятину, О.Хаксли или Д.Оруэллу, это видно особенно четко. Им было ведомо, что препятствием для реализации утопий, якобы упорядочивающих жизнь, станет *несвобода* отдельной личности. И потому антиутопия и Е.И.Замятина, и Ф.М.Достоевского, и многих других их последователей будет оставаться зловещим предупреждением о том, что стремление утопистов переделать человека по собственному образцу обречено на фиаско, так как изменение человека невозможно без утраты им сокровенной человечности — духовного мира, составляющего уникальность каждой личности.

Государство в утопиях предстает неким географическим пространством, замкнутым и отторгнутым от остального мира. У Е.И.Замятина в «Мы» — это Единое Государство, отгороженное Зеленой Стеной, которая становится искусственной границей, отделяющей рационализированное общество от мира природы. Чевенгур у А.Платонова выглядит коммунистическим островом в развивающейся стихии, обладающим особенностями своего рода черной дыры, всасывающей в себя «бедняцкий элемент».

В утопиях появляется совершенно особая семья, в которой едва ли не самым активным персонажем становится государство. Государство берет контроль над душой, регламентирует телесную жизнь своих граждан, тем самым растлевая их. Антиутопия стремится подменить семью государством, но такая подмена оказывается несостоятельной. Прогрессивность антиутопического героя — в его консервативной привязанности к семейным узам. Судьбы мира и человечества оказывается невозможным отделить от судеб семьи.

Таким образом, трагедия существования личности в тоталитарном государстве заключается в отсутствии выбора, беспрекословном подчинении всевластному государству, регламентации жизни и невозможности духовного роста личности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акиндинова Т.А., Бердюгина Л.А. Новые грани старых иллюзий. Проблемы мировоззрения и культуры в буржуазной эстетической и художественной мысли XIX—XX веков. Л., 1984.
2. Античная литература / Под ред. А.А.Тахо-Годи. М., 1986.
3. Бакулов В.Д. Социокультурные метаморфозы утопизма. Ростов н/Д, 2003.
4. Бакулов В.Д. Утопизм как превращенная форма выражения социального идеала // Вестник Российского филологического общества. 2002. № 4.
5. Барбасов А.В. Утопия и теоретическое исследование будущего // Философские науки. 1990. № 4.
6. Баталов Э.Я. В мире утопии: пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989.
7. Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982.
8. Баткин Л.М. Ренессанс и утопия. Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976.
9. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
10. Бахтин М.М. Эпос и роман: о методологии исследования романа // Вопросы литературы. 1970. № 1.
11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
12. Беленкова Л.П. История русского утопического социализма XIX века. М., 1985.
13. Бурдяев Н. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2.
14. Богданов А. Красная Звезда. М., 1990.
15. Богословский Н. Н.Г.Чернышевский. 1828—1889. М., 1957.
16. Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л., 1970.
17. Бурлацкий Ф.М. Всеобщий мир: утопия или реальность. М., 1982.
18. Буянова Е.Г. Романы Ф.М.Достоевского. М., 1997.
19. Васильев В.В. Андрей Платонов: Очерк жизни и творчества. М., 1990.
20. Войнович В. Москва 2042. М., 2004.
21. Володин А.И. Утопия и история. Некоторые проблемы изучения домарксистского социализма. М., 1976.
22. Гальцева Р., Роднянская И. Поиски человека // Новый мир. 1988. № 12.
23. Гальцева Р., Роднянская И. Помеха — человек. Опыт века в зеркале антиутопий // Новый мир. 1988. № 12.

24. Гальцева Р.А. Очерки русской утопической мысли XX века. М., 1992.
25. Гастев А. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9—10.
26. Гончаров С.А. Мифологическая образность литературной утопии // Литература и фольклор. Вопросы поэтики: Межвузовский сб. науч. тр. Волгоград, 1990.
27. Горетич Й. Антиутопии XX века: Замятин. Мы; Оруэлл. 1984. «Slavica». XXV. Debrecen, 1991.
28. Гуроров В.А. Античная социальная утопия: вопросы истории и теории: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Л., 1989.
29. Давыдов Ю.Н. XX век: движение без будущего // Диалог. 1992. № 1.
30. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2000.
31. Дикушина Н.И. Октябрь и новые пути литературы. М., 1978.
32. Дороченков И.А. Об источниках романа Е.Замятина «Мы» // Русская литература. 1989. № 4.
33. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Наброски автобиографического и публицистического характера. М., 1999.
34. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: Роман в 6-ти частях с эпилогом. М., 1983.
35. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. М., 1973. Т. V.
36. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1983. Т. XXV.
37. Егоров Б.Ф. Об особенностях русских социальных утопий 1840-х годов // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.
38. Ермилова Е.В. Теория и образный строй русского символизма. М., 1989.
39. Замятин Е. Герберт Уэллс. Пг., 1922.
40. Замятин Е. Избранные произведения / Вступ. статья О.Н.Михайловой. М., 1989.
41. Замятин Е. Лица. Нью-Йорк, 1955.
42. Замятин Е. Уездное. Мы. Платонов А. Котлован. Ювенильное море. Романы. М., 1996.
43. Замятин Е. Я боюсь. Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / Сост., комментарии А.Ю.Галушкина; Вступ. статья В.А.Келдыша. М., 1999.
44. Замятин Е., Толстой А.Н., Платонов А., Набоков В. / Сост. Г.Г.Красухин. М., 2000.

45. Замятин Е.И. Сочинения. М., 1988.
46. Зверев А. Зеркала антиутопий // Антиутопии XX века. М., 1989.
47. Зверев А. Крушение утопии // Иностранная литература. 1988. № 11.
48. Зверев А.А. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет / Пер. с англ. М., 1989.
49. Иванюшина И.Ю. Утопическое сознание в русской литературе первой трети XX века. Саратов, 1996.
50. Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX — начало XX вв.). М., 1991.
51. Кампанелла Т. Город Солнца. М., 1980.
52. Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1966. Т. VI.
53. Ковтун Н.В. Роман В.Ф.Одоевского «4338 год» и традиции интеллектуальной утопии в России // Известия ТПУ. 2004. № 5.
54. Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века: Монография. Томск, 2005.
55. Кольцова Н. Роман Евгения Замятина «Мы» и «петербургский текст» русской литературы // Вопросы литературы. 1999. № 4.
56. Кондаков И. Конец русской утопии // Свободная мысль. 1993. № 13.
57. Коровин В.И. Увлекательный жанр // Нежданные гости. Русская фантастическая повесть эпохи романтизма. М., 1994.
58. Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А.Сурков. М., 1972.
59. Ланин Б. Русская литературная антиутопия. Монография. М., 1993.
60. Лекторский В.А. Идеал, утопия и критическая рефлексия. М., 1996.
61. Литературное наследство. М., 1963. Т. 70.
62. Любимова М.Ю. Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публицистика. СПб., 2002.
63. Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М., 1994.
64. Машбиц-Веров И. Евгений Замятин // На литературном посту. 1927. № 17—18.
65. Меснянкина И.Б. Поиски нравственной свободы (Анализ этических идеалов Н.Г.Чернышевского и Ф.М.Достоевского). М., 1987.
66. Моисеев Н.Н. Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления. 1917—1993. М., 1997.
67. Мортон А.Л. Английская утопия / Пер. с англ. В.Волкова. М., 1956.
68. Неманов И.Н. Социальный утопизм и общественная мысль // Методологические проблемы истории философии и общественной мысли. М., 1977.
69. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.
70. Одоевский В.Ф. Последний квартет Бетховена / Сост., вступ. статья и примечания В.Л.Муравьева. М., 1982.
71. Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. М., 2003.

72. Оруэлл Дж. 1984. Эссе разных лет. М., 1989.
73. Оруэлл Дж. 1984: роман. Скотный Двор: сказка-аллегория. М., 2006.
74. Павлова О.А. Метаморфозы литературной утопии: теоретический аспект. Волгоград, 2004.
75. Павлова О.А. Русская литературная утопия 1900—1920-х годов в контексте отечественной культуры. Волгоград, 2005.
76. Паниотова Т.С. Утопия в пространстве диалога культур / Пер. предисловия с исп. Т.С.Паниотовой, Э.Родригес. Ростов н/Д, 2004.
77. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996.
78. Платон. Государство. Законы. Политик. М., 1998.
79. Платонов А. Избранное. М., 1988.
80. Платонов А. Чевенгур / Вступ. статья и комментарии В.Чалмаева. М., 1989.
81. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1957. Т. 3.
82. Полищук В.И. Об одной «антикультурной» традиции в истории культуры // Проблемы духовности в истории культуры и образования: Сборник научных статей. Нижневартовск, 2000.
83. Полищук В.И. Творчество в культуре // Северный регион: наука, образование, культура: Научный и культурно-просветительский журнал. Сургут, 2005. № 1 (11).
84. Полищук В.И. Франц Кафка: познание жизни и творчество бытия // Культура и традиции: Сб. научных трудов / Отв. ред. Р.А.Бурханов, В.И.Полищук. Екатеринбург, 1995.
85. Полтавцева Н.Г. Критика мифологического сознания в творчестве А.Платонова. Ростов н/Д, 1977.
86. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
87. Пруцков Н.И. Достоевский и христианский социализм // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1.
88. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Петрозаводск, 1971.
89. Реале Д. Западная философия от истоков до наших дней / Пер. с итал. С.Мальцевой. СПб., 1994.
90. Ритчик Ю.И. Зарождение научной фантастики в 30—40-х годах XIX века // Утопия и утопическое в славянском мире: Сборник статей. М., 2002.
91. Русская литературная утопия / Вступ. статья В.П.Шестакова. М., 1986.
92. Сакулин П. Русская Икарія // Современник. 1912. № 12.
93. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. М., 1972.

94. Свентоховский А. История утопий. М., 1910.
95. Свирида И.И. Искусство и утопия: год 2440 // Утопия и утопическое в славянском мире: Сборник статей. М., 2002.
96. Святловский В.В. Каталог утопий. М., 1923.
97. Семенова С.Г. Николай Федоров: творчество жизни. М., 1990.
98. Сербиенко В. Три века скитаний в мире утопии // Новый мир. 1989. № 5.
99. Сизов С.С. Утопия и общественное сознание: Философско-социологический анализ. Л., 1988.
100. Скафтымов А. Художественные произведения Чернышевского, написанные в Петропавловской крепости // Нравственные искания русских писателей. М., 1972.
101. Скорospelова Е.Б. Замятин и его роман «Мь». 2-е изд. М., 2002.
102. Согрин В.В. Взлет и крушение российских утопий // Общественные науки и современность. 1995. № 3.
103. Стахорский С.В. Русская театральная утопия начала XX века: Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 1993.
104. Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Томск, 2000. Вып. 3.
105. Туниманов В.А. Что там дальше? // Русская литература. 1993. № 1.
106. Тынянов Ю. Пушкин и его современники. М., 1968.
107. Утопия и антиутопия XX века. М., 1990.
108. Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы / Сост., общ. ред. и предисловие В.А.Чаликовой. М., 1991.
109. Федоров Ф.П. Типы искусства, существовавшие в 1800—1830-е годы // Эолова арфа: Русская романтическая лирика. Даугавпилс, 1994.
110. Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982.
111. Федотова В.Г. Социальное конструирование приемлемого для жизни общества // Вопросы философии. 2003. № 11.
112. Философский энциклопедический словарь / Сост. Е.Ф.Губский. М., 1997.
113. Фролова И.В. Оправдание утопии: опыт социально-философской реконструкции: Монография. Уфа, 2004.
114. Хализев В.Е. Наследие М.М.Бахтина и классическое видение мира // Филологические науки. 1991. № 5.
115. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. СПб., 1994.
116. Хорос В. Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М.Ферро и Ю.Афанасьева. М., 1989.
117. Чаликова В. Крик еретика (Антиутопия Евг.Замятина) // Вопросы философии. 1991. № 1.

118. Чаликова В.А. Утопия и культура. Эссе разных лет. М., 1992.
119. Чаликова В.А. Утопия и свобода. Эссе разных лет. М., 1994.
120. Чернышева Т. Русская утопия // Сибирь. 1990. № 6.
121. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1939. Т. XI.
122. Чернышевский Н.Г. Что делать? Роман / Вступ. статья Н.В.Богословского. М., 1982.
123. Черткова Е.Л. Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) // Вопросы философии. 2001. № 7.
124. Черткова Е.Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия / Под ред. В.А.Лекторского. М., 1996.
125. Черткова Е.Л. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3.
126. Шацкий Е. Утопия и традиция / Пер. с польск.; под общ. ред. В.А.Чаликовой. М., 1990.
127. Шеллинг Ф. Философия искусства. СПб., 1996.
128. Шестаков В.П. Эсхатология и утопия (очерки русской философии и культуры). М., 1995.
129. Шестаков В.П. Понятие утопии и современные концепции утопического // Вопросы философии. 1972. № 8.
130. Штекли А.Э. Город Солнца: утопия и наука. М., 1978.
131. Янковский Ю.З. Патриархально-дворянская утопия. М., 1981.
132. Mickiewicz A. Dzieta. Warszawa, 1955.
133. Mumford L. The story of Utopias. N.Y., 1971.
134. Sargent L. British and American Utopian Literature. 1516—1578. An Annotated Bibliography. Boston, 1979.
135. Williams R. Orwell. With a new chap, «Nineteen eighty — founf in 1984». London, 1984.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. УТОПИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.....	4
1.1. Утопия и утопическое сознание	4
1.2. Жанровое взаимодействие утопии и научной фантастики в русской литературе XIX—XX веков	21
1.3. Эволюция утопической мысли	34
Глава 2. ПРОБЛЕМЫ БУДУЩЕГО КУЛЬТУРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ РУССКИХ УТОПИСТОВ XIX—XX ВЕКОВ	50
2.1. Проблема личности в русской литературной утопии....	50
2.2. Влияние тоталитаризма на свободу и счастье в свете традиции русского утопизма.....	66
2.3. Вопрос о государстве и семье в творчестве русских утопистов и антиутопистов	81
2.4. Диалектика антиутопии: путь от «винтика» к человеку	90
Заключение	102
Библиография	105

Научное издание

Долгина Екатерина Станиславовна

**ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ УТОПИИ XIX—XX ВЕКОВ**

Монография

Редактор *Н.В.Титова*
Художник обложки *Л.П.Павлова*
Компьютерная верстка *Е.С.Борзова*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 07.10.2009
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 7
Тираж 500 экз. Заказ 907

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*